

Сергей Шиндин

ИЗ «ТЕНЕВОГО ОКРУЖЕНИЯ» МАНДЕЛЬШТАМА: НИКОЛАЙ НЕДОБРОВО

Памяти Николая Алексеевича Богомолова

В историко-литературных исследованиях последних десятилетий, посвященных жизни и творчеству Осипа Мандельштама, среди его современников не оказалось имени литературного и художественного критика, теоретика стиха и поэта Николая Недоброво (1884–1919) — ни в числе входивших в круг ближайшего общения, ни среди тех, кто появлялся в биографии поэта эпизодически¹. Вместе с тем, близко знавший Недоброво Александр Кондратьев оставил емкую характеристику, содержащую прямое указание на «программирующую» роль того для младших современников (Волынское слово [Ровно]. 1921. 22 окт.): «Незаметно для других этот человек был законодателем вкусов и вдохновенным словом своим заставлял окружающих его молодых писателей воспринимать тот или иной взгляд на искусство, историю и литературу»². По утверждению позднего мемуариста, в соот-

¹ Некоторые аспекты данной работы были затронуты в публикации: «Печальная повесть сотворив...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А–О // Toronto Slavic Quarterly. 2019. № 67/68. С. 181–195 [эл. изд.; URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/68/Shindin68.pdf>]. — Здесь же следует уточнить, что регулярно используемое автором выражение «тенивое окружение» — показавшаяся выразительной фигура речи, определяющая конкретные ситуации, но никак не оценочная категория по отношению к современникам Мандельштама.

² Цит. по: Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского

ветствии с ахматовской версией самооценка Недоброво была еще выше: «Ахматова говорила, что Недоброво считал себя одной из центральных фигур в картине, которая впоследствии была названа “серебряным веком”, никогда в этом не сомневался, имел на это основания и соответственно себя вел»; при этом она добавляла: «Он был первый противник акмеизма, человек с Башни, последователь Вячеслава Иванова»³. Тем обоснованнее и актуаль-

---

Дома на 1974 год. А., 1976. С. 62. Там же приведено и другое немаловажное его свидетельство (Вольинское слово [Ровно]. 1924. 28 марта): «На суд Недоброво доверчиво несли свои произведения молодые поэты, а его приговоры и мнения быстро воспринимались и усваивались многочисленными слушателями». Мандельштам в 1910-е годы подобным статусом не обладал, он начал формироваться у поэта осенью 1920 года после его возвращения в Россию из скитаний по Украине и Закавказью. Вместе с тем некоторым современникам свойственно было воспринимать литераторов в сходном «культурологическом ореоле». В глубоком и подробном мемуарном портрете Недоброво (Русская мысль [Берлин; Прага]. 1923. Кн. VI–VIII) близкая знакомая вспоминала спутствовавшее общению его друзей с ним «(...) ощущение несовременности: “у него лицо Чаадаева”, “он совсем из сороковых годов”» (Сазонова-Слонимская Ю. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета // Ахматова А. Поэма без героя / Сост. и примеч. Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерера. М., 1989. С. 233). Подобная проекция на фигуру Чаадаева, возможно, являлась следствием общей культурной тенденции середины 1910-х годов: вспоминая это время, Бенедикт Лившиц, в частности, упомянул Мандельштама, отдавшего «(...) дань свирепствовавшему тогда увлечению 1830 годом, который обернулся к нему Чаадаевым» (Лившиц Б. Полутороглазый стрелец: Стихотворения, переводы, воспоминания / Сост. Е. К. Лившиц и П. М. Нерлера, подгот. текста П. М. Нерлера и А. Е. Парниса, примеч. П. М. Нерлера, А. Е. Парниса и Е. Ф. Ковтуна. Л., 1989. С. 521).

³ Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой: Из книги «Конец первой половины XX века». М., 1989. С. 85, 84. При такой характеристике некоторым преувеличением представляется эмоциональное мемуарное свидетельство (Новое русское слово. 1954. № 153. 26 мая), очевидно, спроецированное с принадлежащий Недоброво оценки ахматовской поэзии на его отношение к акмеизму в целом: «Николай Владимирович Недоброво не принадлежал к определенной школе поэтов. Он был дружен с Вячеславом Ивановым, Максимилианом Волошиным и с группой акмеистов, с которыми его связывала особая личная близость» (Сазонова-Слонимская Ю. Л. Николай Владимирович Недоброво // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л., 1990. С. 74). — Труднообъяснимым представляется то обстоятельство, что среди относительно немногочисленных публикаций, посвященных биографии и творчеству Недоброво, оба процитированных ахматовских замечания, кажется, не привлекли внимания ни одного из исследователей. Более того, в единственной на сегодняшний день монографии, посвященной творческому пути этого яркого представителя художественной культуры 1910-х годов, по мнению одного из рецензентов, отчетливо прослеживается решение автора «(...) разгадать парадоксы литературной судьбы Николая Владимировича Не-

ней представляется попытка хотя бы отчасти реконструировать те роль и место, которые были отведены Недоброву не в самой культурной жизни дореволюционной России, а в мандельштамовской биографии⁴.

доброво, не прибегая к помощи Анны Ахматовой. Однако факт есть факт: роль А. А. в драме героя книги “Литературная судьба Н. В. Недоброво” не прописана вовсе, а ее присутствию в пространстве его творчества свернуто до минимума» (*Марченко А. Жизнь + творчество: слить в одно?* [рец.] Екатерина Орлова. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск — М., «Водолей Publishers», 2004, 320 стр. // Новый мир. 2004. № 9 (URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2004_9/Content/Publication6_3029/Default.aspx). Впрочем, сам автор оставил данному обстоятельству вполне мотивированное объяснение; см.: Орлова Е. И. Литературная судьба Н. В. Недоброво. Томск; М., 2004. С. 28–29.

⁴ К настоящему моменту они кратко прокомментированы Е. И. Орловой в двух взаимосвязанных одноименных печатных вариантах: Недоброво Н. В. // О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007; Недоброво Н. В. // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017; далее все ссылки даны на вторую публикацию. — На «теневой» характер взаимоотношений двух литераторов косвенно, но очевидно указывают мемуары Надежды Мандельштам: старший современник представлен в них довольно специфически, а точнее сказать — односторонне, причём в версии Анны Ахматовой, что можно объяснить отсутствием имени Недоброво в воспроизводимых мандельштамовских рассказах о 1910-х годах. Одновременно с этим для объективного понимания ситуации в целом необходимо учитывать ту «формообразующую» роль, которую начиная с 1940-х годов сыграла старшая современница в создании «концепции Серебряного века» вдовы Мандельштама. Глубоко оригинальный поэт и литературовед опосредованно представлен в её воспоминаниях об Ахматовой следующим образом: «Первые свои уроки, как должна себя вести женщина, Анна Андреевна получила от Недоброво. “Какая у него была жена?” — спрашивала я; оказалось, что его жена очень выдержанная дама из лучшего общества. Сам Недоброво тоже был из “лучшего общества”, и его влияние здорово сказалось на некоторых жизненных установках Анны Андреевны. А сам Недоброво, влияя и сглаживая неистовый нрав своей подруги, вероятно, все же ценил ее необузданность и дикость. “Аничка всем хороша, — говорил он, — только вот этот жест”, — и Анна Андреевна показала мне этот жест: она ударила рукой по колену, а затем, изогнув кисть, молниеносно подняла руку ладонью вверх и сунула ее мне почти в нос. Жест приморской девчонки, хулиганки и озорницы. Под легким покрывом дамы, иногда, естественно, любезной, а чаще немного смешноватой, жила вот эта самая безобразница, под ногами которой действительно горела земля». Вполне вероятно, что в данном пассаже присутствует прозрачная автопроекция, которая должна оправдать специфическое «происхождение» мемуаристки и определяемые им особенности ее «культурного кода» в самом широком проявлении такового. Далее изображенный специфический жест становится чуть не главным «дифференциальным признаком» Ахматовой, транспонируемым из набо-

---

ра бытовых деталей и индивидуальных привычек в сферу поэтического творчества: «я люблю ее неистовый голос: “Не лирою влюбленного (...) ...” Я думаю, что за эти стихи сам Недоброво простил бы Анничке ее манеру при споре хватать себя рукой по коленке» (*Мандельштам Н. Об Ахматовой // Мандельштам Н. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и другие произведения (1958–1967) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 695, 697*). Там же в предисловии (с. 6) содержится более чем показательное для данного контекста замечание составителей о том, что «(...) текст “Об Ахматовой” является, по сути, первой редакцией “Второй книги”».

Помимо процитированных «личных» записей данный пассаж повторится в мемуарной прозе, ориентированной уже не на само фактографическое изложение происшедшего, а на явное формирование вполне конкретных образов эпохи 1910-х годов и некоторых ее представителей: «(...) “дамой” Ахматова не была. Она рассказывала, что Недоброво говорил про нее: “Аничка всем хороша, если бы не этот жест...” И она показывала “этот жест”: хлопнув себя ладонью по коленке, она быстро поднимала руку ладонью вверх и чуть не совала ее в нос собеседнику. Жест “приморской девчонки”, а не дамы». И точно также далее упоминание об этом «характерологическом признаке» связывается Надеждой Мандельштам с поэтическим творчеством, причем в формулировке, по которой существование такой индивидуальной черты оказывается своего рода метафорическим гарантом его проявления: «(...) у Ахматовой негативизм был не только прирожденным свойством, но и позицией, которую она тщательно разрабатывала, да еще ряд моделей, приготовленных еще Недоброво по образу собственной жены, “настоящей дамы”, для сознательного выравнивания интонаций, поступков, манер. Спасали только неистовый жест, смущавший, но, очевидно, забавлявший Недоброво, и природженная неукротимость. Иначе бы она не стала перворазрядным поэтом. Они всегда неистовы и неукротимы. Без этого нет поэзии». Соответственно, в интерпретации мемуаристики гипотетическое вмешательство в личную жизнь и творческую судьбу поэтессы неизбежно привело бы ее к потерям, метафорой чего снова выступает та же индивидуальная черта: «Ахматова говорила, что, не будь революции, она, скорее всего, не развелась бы с Гумилевым, но заняла бы флигель во дворе и там собирала у себя друзей и активно вела “литературную политику”. Для меня, подруги неистовой, бродячей Ахматовой, эта дама во флигеле гумилевского дома почти невообразима. Боюсь, что там бы заправлял Недоброво, который отучил бы ее от возмутительного жеста рукой о коленку и руку в нос собеседнику... Кто бы сумел повторить этот жест?»; здесь же следует указать авторский комментарий к сказанному: «Хлоп ладонью о коленку, а потом ладонью в нос собеседнику» (*Мандельштам Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2: «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 264, 326, 457–458, 673*). [Любопытным представляется то обстоятельство, что столь пристальное внимание Надежды Мандельштам к данной составляющей художественного поведения находит предвосхищающую его прямую параллель в деятельности одного из литературных объединений середины 1900-х годов; см.:

Прямые документальные и мемуарные сведения о знакомстве двух современников неизвестны, но обстоятельства и время их встреч может быть установлено с высокой степенью достоверности на основании документальных и мемуарных данных. Наибольшее внимание в биографии Мандельштама и Недоброво в данной историко-литературной перспективе, несомненно, заслуживает факт их обоюдного участия в одном из самых значительных литературных (если быть точнее — филологических) объединений середины 1910-х годов — Обществе ревнителей художественного слова (ОРХС), которое сформировалось «вокруг Вяч. И. Иванова при журнале “Аполлон” осенью 1909 г. в Петербурге» и («...») являлось в известной степени продолжением литературных вечеров на квартире Иванова»,⁵ точнее — цикла его лекций, прочитанных весной

Шруба В. Кружок хлопающих себя по колену // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 84. Одновременно с этим с определенной осторожностью можно утверждать, что в приведенных фрагментах Надежда Мандельштам в известном смысле выступила как провозвестник карпалистики — в том понимании, как она была определена В. В. Набоковым, начата Ю. Г. Цивьяном и продолжена и развита его единомышленниками; см.: *Цивьян Ю. На подступах к карпалистике: Движение и жест в литературе, искусстве и кино. М., 2010; От слов к телу: Сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна. М., 2010 и др.*] Вместе с тем следует сказать, что мотив жестикуляции в самых разных аспектах нашел своё отражение и в поэтическом мире Ахматовой; см.: *Жолковский А., Панова Л. ПЕСНИ ЖЕСТЫ МУЖСКОЕ ЖЕНСКОЕ. О поэтической прагматике Анны Ахматовой // От слов к телу: Сборник статей к 60-летию Юрия Цивьяна. М., 2010; то же — в издании: Жолковский А. Поэтика за чайным столом и другие разборы. М., 2014.* — В единственном собрании воспоминаний современников о спутнице жизни Мандельштама имя Недоброво не упоминается ни разу: Именной указатель // «Посмотрим, кто кого переупрямит ...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / Сост. П. М. Нерлер. М., 2015. С. 724. Приходится признать, что многим другим собеседникам Ахматовой посчастливилось оставить о ее близком знакомом гораздо больше мемуарных свидетельств. Впрочем, существует и еще одно признание о личном отношении Ахматовой к этой теме: «О Недоброво и Анрепе не говорила со мной никогда» (*Герштейн Э. Г. Постаревшие собеседницы // Герштейн Э. Мемуары. СПб., 1998. С. 480.*)

⁵ *Шруба М. Общество ревнителей художественного слова // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 156.* О текущей деятельности этого союза литераторов и филологов Недоброво оставил не один печатный отзыв (объединяющий в себе репортажный жанр с аналитическим комментарием), о чем речь идет далее. Мандельштаму принадлежит ироническая «импликация» ОРХС в мемуарной по своей основе повести «Египетская марка» (1927), автор-повествователь которой обращается к главному герою с предупреждением: «Дикая парабола соединяла

1909 года на собраниях так называемой «Поэтической академии», среди постоянных участников которой был и Мандельштам⁶. Широко распространенная среди исследователей истории российской литературы и филологической науки конца 1900-х — начала 1910-х годов точка зрения о том, что ОРХС стало хотя и преобразованным, но формальным продолжением деятельности своего предшественника, видится необоснованным и несправедливым упрощением реальной ситуации⁷. В краткой, но глубоко содержательной

Парнока с парадными анфиладами истории и музыки. — Выведут тебя когда-нибудь, Парнок, — со страшным скандалом, позорно выведут — возьмут под руки и фьюить — из симфонического зала, из общества ревнителей и любителей последнего слова, из камерного кружка стрекозиной музыки, из салона мадам Переплетник — неизвестно откуда, — но выведут, ославят, осрамят...» (*Мандельштам О. Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 2: Стихи и проза. 1921–1929 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993. С. 470–471). В коллективном «пособии для читателя» (*Лекманов О., Котова М., Репина О. и др. Пояснения для читателя // Мандельштам О. Э. Египетская марка: Пояснения для читателей / Сост. О. Лекманов, М. Котова, О. Репина и др. М., 2012. С. 140–141*) «культурологический» аспект данного пассажа оставлен без комментария.

⁶ См.: *Гаспаров М. А. Лекции Вяч. Иванова в Поэтической Академии // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 90.* (В другой связи В. Н. Дранициным был указан случай того, до какой степени отдельными исследователями преувеличена степень участия Мандельштама в этом начинании, когда он вместе с Гумилевым отнесен к числу основателей «Академии стиха»: *Драницин В. Осип Мандельштам и Николай Гумилев. К истории первых лет знакомства (1908–1912) // Осип Мандельштам и XXI век: Материалы международного симпозиума. Москва. 1–3 ноября 2016 г. М., 2016. С. 200, прим. 32.)* О присутствии на этих встречах Недоброво ничего не известно; как расплывчато утверждают его биографы, с Ивановым он «сблизился в 1911 году через Общество ревнителей художественного слова» (*Кравцова И. Г., Постоутенко К. Ю. Недоброво Н. В. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 4: М–П / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1999. С. 261, стб. 3*). О его отношении к старшему современнику можно уверенно судить по сохранившимся письмам: Н. В. Недоброво и Л. А. Недоброво в переписке с В. И. Ивановым и М. М. Замятниной / Прембула и публ. Л. Маштаковой // *Еуропа Orientalis. 2019. 38. Значение, которое придавал фигуре Вячеслава Иванова Мандельштам в этот период, хорошо известно; см., напр.: Глухова Е. В., Лекманов О. А. Иванов В. И. // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. С. 258.*

⁷ Как явные синонимы употребляет названия этих объединений и Ахматова, в своих воспоминаниях о Мандельштаме отмечая: «В десятилетия мы, естественно, всюду встречались», в том числе и «в “Академии стиха” (Общество ревнителей художественного слова, где царил Вячеслав Иванов)» (*Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Победа над Судьбой. I: автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, примеч. Н. Крайневой. М., 2005. С. 103*). Несколько иначе, но в том же ключе в связи, очевидно, с 1910 годом свидетельствовал об этом Владимир Пяст: «С нового сезона “Ака-

заметке «Поэтическая академия» (Вестник литературы. 1909. № 8) Модест Гофман, один из участников этого объединения,⁸ оставил такую характеристику: «Об этой академии мало кто знает. Официально она не существует. Это частный кружок, частная затея, без всяких уставов, правил и других бюрократических затей, которыми приходится иногда невольно обставлять у нас возникновение каждого кружка». Более того, согласно его трактовке, «скромный опыт совместного изучения формы, составляющий цель данного кружка, нельзя назвать громким именем “Поэтической академии”, под каким она была известна среди участников-поэтов, хотя мысль ее устроителя Вячеслава Иванова и была именно такова. Предполагалось общее участие в разработке рефератов, но все ограничилось лекциями Вячеслава Иванова. Академия превратилась в школу, которая представляла собою вдумчивую и внимательную аудиторию во главе с ее профессором — одним из самых образованных людей и безусловно выдающимся оригинальным поэтом. Следовал ряд интересных лекций Вячеслава Иванова, раскрывавшего перед аудиторией внешние и внутренние законы формы, причем не были забыты ни простейшие, ни наиболее сложные из существующих и существовавших форм. Не было обойдено и античное стихосложение»⁹. В такой интерпретации прежде всего актуален приватный характер проходивших встреч и их обучающая направленность, то-

---

демия” при “Аполлоне”, по-видимому, “легализовалась”. “Обросла” пышным именем “Общества ревнителей художественного слова”». Вместе с тем, о начальном этапе деятельности нового объединения он вспоминал: «Первые недели прошли, чередуясь в повторении развития “Про-Академического” курса Вячеслава Иванова и связанных с ним общностью подхода, как и темы, лекций Иннокентия Федоровича Анненского» (*Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М., 1997. С. 130, 105*).

⁸ См.: *Гаспаров М. Л. Лекции Вяч. Иванова в Поэтической Академии. С. 90.*

⁹ Цит. по: В. И. Иванов: pro et contra: Антология. Т. 1 / Сост. К. Г. Исупова, А. Б. Шишкина; коммент. Е. В. Глуховой, К. Г. Исупова, С. Д. Титаренко и др. СПб., 2015. С. 202–203. Здесь же может быть упомянута и общая характеристика объединения, оставленная Пястом, которому принадлежит известное свидетельство о первом визите в «Поэтическую академию» Мандельштама: «Много начинающих поэтов приходили на эти собрания. И вот, помню, однажды пришел (...) Виктор Гофман в сопровождении совсем молодого стройного юноши в штатском костюме, задиравшего голову даже не вверх, а прямо назад: столько чувства собственного достоинства бурлило и просилось наружу из этого молодого тела. Это был Осип Мандельштам. По окончании лекции и ответов на вопросы аудитории ему предложили прочесть стихи. Не знаю, как другим (Вяч. Иванов, конечно, очень хвалил, — но ведь это было его всегдашним обыкновением!), но мне чрезвычайно понравились его стихотворения» (*Пяст Вл. Встречи. С. 101*).

гда как собрания ОРХС отличались и более широкой научной тематикой, и иной структурной организацией, и более многочисленным и разносторонним составом выступавших и гостей¹⁰. Не конкретизируя характер встреч на «Башне» Иванова, Сергей Маковский позднее вспоминал: «Собрания на “башне” прервались осенью 1909 года, когда Вячеслав Иванов отчасти перенес их, придав им характер более профессионально поэтический, в помещение редакции “Аполлона”, на заседания Общества ревнителей художественного слова. (...) — “Душой” этих собраний, которые аполлоновцы называли “Поэтической академией”, Вячеслав Иванов оставался неизменно, несмотря на блистательные выступления Анненского (в течение двух первых месяцев) и на привлечение в качестве руководителей Общества Блока и Кузмина»¹¹. Как известно, создание ОРХС во многом происходило по инициативе Гумилева¹², взаимоотношения Манделштама с которым, вероятно, складывались именно в этот период, что могло послужить дополнительным импульсом для формирования и поддержания его интереса к деятельности этого литературно-филологического сообщества¹³.

---

¹⁰ Принципиальное разграничение этих объединений присутствует, например, в частном письме начала 1930-х годов, где осведомленный современник и участник ОРХС упоминает о «(...)собрании поэтов в редакции “Аполлона”» и уточняет: «не помню, как назывался тогда кружок, реорганизованный из “Академии Поэтов”» (*Струве Г. П.* Александр Кондратьев по неизданному письму // *Annali: Sezione slava*. XII. P. 23–24; цит. по: Два письма А. А. Кондратьева к В. И. Иванову / Публ. Н. А. Богомолова // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 10. С. 108). — Аналогичная «терминологическая контаминация» была характерна, например, для «Цеха поэтов» и сформировавшегося не без его участия, но без его прямого влияния акмеизма, причем, как и в ситуации с «Поэтической академией» и ОРХС, эволюция происходила от более простого во всех отношениях варианта к более сложному: в обоих случаях название первого из объединений становилось синонимичным для их преобразованных «последователей». Симптоматична в этом отношении оценка нового литературного направления, принадлежащая Вадиму Шершеневичу (Нижегородец. 1913. № 254. 22 авг. С. 2): «Акмеисты завяли, не расцветши. Начав скучно в “Аполлоне”, скудно работая в “Гиперборее”, они совсем компрометируют себя “цехом поэтов”» (цит. по: *Чабан А.* Акмеизм в провинциальной критике // *Девятая международная летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Цвелодубово Ленинградской области*, 2013. С. 294).

¹¹ *Маковский С.* Вячеслав Иванов // *Маковский С.* Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 274–275.

¹² См.: *Шруба М.* Общество ревнителей художественного слова. С. 157.

¹³ В письме Блоку 8.3.1910 Недоброво упоминал о факте, выпадающем из поля зрения описывающих деятельность ОРХС исследователей: «(...) для вступления (...) в общество нужна рекомендация двух членов» (Письма Н. В. Недоб-

Самая активная роль в работе ОРХС принадлежала Недоброву, информированным мемуаристом названным в более чем ограниченном числе представителей «младшего поколения» объединения, постоянно участвовавших в обсуждении прозвучавших докладов: «Молодежь играла роль хора, вопреки обычаю греческих трагедий, безмолвного и безгласного. Это спустя уже так с год, Н. В. Недоброво, Н. С. Гумилев да еще живший в ту пору некоторое количество лет или месяцев в Петербурге Максимилиан Волошин (...), только эти трое из более молодых принимали участие в диспутах не только в качестве “вопрошателей”, но и “высказывателей”»¹⁴. Так, например, 1.4.1910 Недоброво поделился своими соображения на состоявшемся в ОРХС обсуждении доклада Вяч. И. Иванова, прочитанного там же 26.3.1910¹⁵. Выступление одного из главных теоретиков «новой поэзии» (до того прозвучавшее 17.3.1910 в московском Обществе свободной эстетики¹⁶) имело самый широкий общественный резонанс, поскольку в нем «(...) определялось состояние символизма к настоящему моменту и намечались пути и цели его последующего развития»¹⁷. Особую

рово к Блоку / Предисл., публ. и коммент. М. М. Кралина // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 295). Если такая формальная процедура распространялась и на Мандельштама, одним из его рекомендаторов вполне мог выступить Гумилев.

¹⁴ Пяст Вл. Встречи. С. 105; ср.: Кравцова И. Г., Постоутенко К. Ю. Недоброво Н. В. С. 261, стб. 3.

¹⁵ Несколько подробнее об этом эпизоде и его продолжении говорится в публикации автора: «Печальную повесть сотворив ...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А–О. С. 82–87 [эл. изд.; URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/68/Shindin68.pdf>].

¹⁶ Данное объединение — своего рода предшественник и аналог петербургского ОРХС — было создано по инициативе Валерия Брюсова и осуществляло свою деятельность в 1906–1917 годах. «Официально деятельность Общества свободной эстетики началась после утверждения устава 10 апреля 1907 г., а в октябре были избраны литературная, театральная, музыкальная и художественная комиссии; (...) за сезон состоялось от 13 до 19 собраний; на них читались доклады и литературные произведения, исполнялись концертные номера, проходили художественные выставки. (...) Доклад Вяч. Иванова “О новых литературных группировках”, прочитанный в Обществе свободной эстетики 17 марта 1910 г. <...> и повторенный им 26 марта в Обществе ревнителей художественного слова (напечатан под заглавием “Заветы символизма”; Аполлон. 1910. № 8), стал одной из вех в истории русских символистов» (Шруба М. Общество свободной эстетики // Шруба М. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004. С. 161).

¹⁷ Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова) // Русская литература. 1990. № 1. С. 200, стб. 1.

актуальность этому событию придавал тот факт, что произошло оно в один из самых напряженных моментов истории русского символизма, причины которого, согласно точке зрения Н. А. Богомолова, далеко выходят за рамки традиционной «литературной жизни»: «Собственно художественные тенденции здесь должны быть поняты как результирующие теоретических построений, религиозных и квазирелигиозных исканий, журнальной борьбы, изменений на книжном рынке и рынке периодических изданий, личных амбиций и, вероятно, чего-либо еще»¹⁸. В самых общих чертах современный исследователь реконструировал существо сказанного Ивановым так: «Для того чтобы выявить причины кризисного состояния символизма (“и есть ли еще символизм”), докладчику потребовался экскурс в историю “разбираемой школы”. Эволюцию символизма он представил как поступательное движение и выделил в нем ряд последовательно сменивших друг друга “моментов” (“теза” и “антитеза”). Современное кризисное состояние он объяснил особенностями переходного периода: “антитеза” подходит к концу, а постулируемый грядущий “синтез”, призванный стать апогеем символизма, потребует от художника большого напряжения творческих сил (“подвига”). Именно с этим “желательным” символизмом и связана жизнетворческая программа Вяч. Иванова. В самых общих чертах обрисовывая художественные принципы обновленного символизма, докладчик предложил категорию канона как критерия художественной ценности и оговорил необходимость для завершающего этапа появления художественных полотен наподобие гетевского “Фауста” (“большой стиль”))»¹⁹. Данный эпизод, значение которого для истории русского символизма трудно переоценить, имел совершенно отчет-

---

¹⁸ Богомолов Н. А. Из разысканий к истории дискуссии о символизме 1910 года // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 84.

¹⁹ Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 201. Развернутую дневниковую запись об ивановском выступлении и некоторых репликах участников прений, последовавших после него, оставил Александр Блок; см.: Блок А. Записные книжки 1901–1920 / Сост., подгот. текста и примеч. Вал. Орлова. М., 1965. С. 167–170. Его позиция в данном эпизоде подробно отражена и всесторонне проанализирована в публикации: Богомолов Н. А. К истолкованию статьи Блока «О современном состоянии русского символизма» // Тыняновский сборник: Вып. 10 : Шестые — Седьмые — Восьмые Тыняновские чтения. М., 1998.

ливую «аполлоновскую» составляющую: «Дискуссия о “заветах символизма” началась весной 1910 г. докладами Вяч. Иванова и Блока в “Обществе ревнителей художественного слова” (опубликованными в VIII книжке журнала) и продолжилась на его страницах выступлениями Брюсова и Белого (1910, IX и XI)»²⁰. В подробном обзоре этого события один из «внутрицеховых» движущих мотивов ивановской активности назван без оговорок: «Выступить с программной статьей, отстаивающей “заветы символизма”, Вяч. Иванова, помимо прочего, побудила обстановка, сложившаяся в начале 1910 года в редакции “Аполлона” и “Обществе ревнителей”. Авторитет его как метра и теоретика символизма был непререкаем, однако близкие к редакции молодые писатели и поэты шли своим путем и в их среде появлялись новые вожди, еще не всеми признанные в этом качестве, но уже имевшие свою аудиторию. Это хорошо чувствовал, например, К. А. Сюннерберг, кумиром которого продолжал оставаться Вяч. Иванов и который упорно не хотел признавать право Гумилева на лидерство»²¹.

Особую значимость прозвучавшего в ОРХС выступления Иванова для самых разных представителей культурной среды наглядно демонстрирует дискуссия вокруг него, вынесенная в состоявшееся 1.4.1910 отдельное заседание, общую тематическую направленность которого в известном смысле допустимо определить как антисимволистскую. Ввиду благоприятного стечения обстоятельств, «(...) обсуждение можно реконструировать по записям, сделанным докладчиком. Они представляют собой три листа большого формата, на которых слева конспектировались выступления, а справа были набросаны ответы оппонентам (...). Необходимо помнить, что записи эти — не протокол и особое внимание докладчик уделял именно возражениям». Собрание открыл Сергей

---

²⁰ *Корецкая И. В.* «Аполлон» // *Корецкая И.* Над страницами русской поэзии и прозы начала века. М., 1995. С. 338.

²¹ *Кузнецова О. А.* Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 200, стб. 2. И там же идет речь о позиции Маковского, занятой в данной ситуации. Уже после появления в историко-литературном пространстве акмеизма «канонический манифест» Вячеслава Иванова был опубликован в имевшем самый широкий читательский резонанс сборнике его статей: Борозды и Межи: Опыты эстетические и критические. М.: Мусaget, 1916. Без реального сопроводительного комментария текст воспроизведен в публикации: *Иванов Вяч.* Заветы символизма // *Иванов Вяч.* Собрание сочинений [в 4 т.]. Т. 2 / Под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт, примеч. О. Дешарт. Брюссель, 1974.

Рафалович, которого «(...)насторожила попытка вождя символизма придать этому движению главенствующую роль в современном литературном процессе». Затем выступил Гумилев, причем современный исследователь, основываясь на изъятной из дневниковой записи Блока фразе, охарактеризовала происшедшее таким образом: «Активно высказывать свои возражения докладчику он начал уже на предыдущем заседании» 26.3.1910²². Если следовать содержанию сохранившихся заметок Иванова, ориентированных на фиксацию лишь выводов своего главного оппонента, и тому, как они переданы публикатором, то главное положение в реплике будущего основателя акмеизма сводилось к следующему: «Предложенная докладчиком схема эволюции символизма, предполагавшая в будущем расцвет этой школы, не могла удовлетворить Гумилева, который видел уже новые силы, способные, как он считал, сменить символизм. В теоретических построениях Вяч. Иванова он попытался найти места, уязвимые прежде всего с точки зрения логики». Возражение поддержал еще один, в пястовской терминологии, «высказыватель» — еще не ставший к тому времени активным оппонентом Гумилева Недоброво, который, «также как и выступавший перед ним (...), не увидел последовательности и закономерности в двух выделенных Ивановым “моментах” развития русского символизма. (...) Недоброво пошел дальше, чем Гумилев, вынеся приговор: “Символ (истская) школа уже победила, — но и кончилась”. (...) Выступивший затем А. А. Кондратьев также поддержал замечание Гумилева относительно исходного момента — “тезы”». Взявший слово позднее Городецкий не просто «обрушился на доклад с резкой критикой (...) — в своем ответе Городецкий также переходит на личности: “кризис”, по его мнению, “в том, что глава симв (олизма) В (ячеслав) И (ванов) переживает кризис, давит и раздавливает символизм”. (...) Резкий тон вы-

²² Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 202, стб. 1, с. 202, стб. 2, с. 203, стб. 1. Полный вариант блоковской пометы, как кажется, не дает оснований адресовать единственную упоминаемую реплику Гумилева именно Иванову — в равной степени она могла предназначаться Кондратьеву: «Замечание Вяч. Иванова. Символизм хочет говорить правду, парнасизм — под знаком *le rêve*. — “А что такое правда?” — спросил Кондратьев. — И Гумилев делает замечание» (*Блок А. Записные книжки 1901–1920*. С. 170). При этом слово «замечание» может означать не только ‘возражение’, но и в равной, если не большей степени ‘сопроводительный (сопутствующий) комментарий’.

ступления Городецкого оказался для многих неожиданностью»²³. В дискуссии также приняли участие Константин Сюннерберг, Василий Гиппиус, Виктор Жирмунский, Юрий Верховский, Сергей Маковский и другие участники, высказавшие собственные соображения по различным аспектам затронутой в самом докладе и в ходе его обсуждения проблематики. Общая оценка этого события, данная современным исследователем, такова: «Обсуждение в “Обществе ревнителеев” продемонстрировало, что на поставленный Вяч. Ивановым вопрос: быть или не быть русскому символизму (разумеется в том новом качестве, о котором говорил докладчик), Гумилев, Городецкий и Недоброво ответили, что будущее не за символизмом. Другие члены “Общества ревнителеев” если и поддержали отдельные положения доклада, в целом не вдохновились программой “планомерного искания внутреннего синтеза своего мирозерцания”. (...) — Состоявшаяся в “Обществе ревнителеев” дискуссия явилась исходным пунктом дальнейшего размежевания литературных сил, в 1910 году еще собранных вокруг

---

²³ Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителеев художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 203, 204, стб. 1, 205–206. В подтверждение сказанному публикатор там же приводит записанную Ивановым реплику одного из присутствующих: «Вот друг-то Ваш? (...) Он говорит совсем как министр Коковцев». — Данный факт позволяет сместить на год назад гипотетическое время знакомства Гумилева и Городецкого: по осторожному предположению Р. Д. Тименчика, основанному на зафиксированном Павлом Лукницким ахматовском свидетельстве, их «первая беседа (...) состоялась 13 мая 1911 в Обществе ревнителеев художественного слова на докладе Городецкого о Никитине» (*Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой: Городецкие // Блоковский сборник. Вып. VIII: Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. Тарту, 2010. С. 34). Однако во фрагменте записи 29.1.1926, содержащем хронологизацию 1911 года, биограф ограничился только следующей констатацией: «АА и Николай Степанович на заседании О. Р. Х. С. в “Аполлоне”. Городецкий читал доклад о Никитине» (*Лукницкий П. Н.* *Asutiana: Встречи с Анной Ахматовой.* Том II: 1926–1927. Париж; М., 1997. С. 28). Как кажется, события, происшедшие 14.1910, в большей степени могли послужить веским основанием для личного знакомства поэтов и стать началом формирования их близких взаимоотношений именно в «антисимволистской» перспективе (если оно не состоялось ранее, например, осенью 1908 года, когда оба посещали возобновившиеся собрания на «Башне» Иванова; см.: *Богомолв Н. А.* Из башенной жизни 1908–1910 годов // *Богомолв Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010. С. 71). В любом случае есть основания предполагать, что непосредственно после случившегося на дискуссии в ОРХС Городецкий стал восприниматься Гумилевым как последовательный и надежный союзник в будущей литературной борьбе.

символизма. (...) — Для Гумилева и Городецкого выступление в «Обществе ревнителей» было пробным шагом в их борьбе с символизмом за новую поэтическую школу». Вполне закономерен и вывод, к которому приходит комментатор, подчеркивая «программирующий» характер происшедшего для реального литературного процесса: «Следствием этих выступлений и полемики вокруг них явилось, как известно, размежевание “старших” и “младших” символистов, они же послужили толчком для обоснования новой поэтической школой (чуть позже получившей название акмеистической) своей теоретической платформой»²⁴.

Насколько можно судить по редуцированным биографическим данным и затушеванным манипуляциям с ними современными авторами «трудов и дней» Мандельштама, ни на самом ивановском выступлении, ни на последовавшем затем обсуждении он не присутствовал²⁵, но трудно представить, чтобы ему было неизвестно о происходившем на них. Сам этот факт вряд ли мог оставить его равнодушным: именно в данный период в своем творчестве начинающий поэт совершенно осознанно стремился продолжать традиции русского символизма, отчетливо выделяя в художественном и личном отношении именно Иванова. Хорошо известно касающееся этого аспекта ахматовское определение второй половины 1950-х годов: «Недавно найдены письма О<сипа> <Эмильевича> к Вячеславу Иванову (1909). Это письма участника Проакадемии (по “Башне”). Это Мандельштам-символист»²⁶. Первое (и до сих пор едва ли не единственное, но нередко пропускаемое современ-

²⁴ Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 207, 200, стб. 1. Представляется вполне убедительным предположение о том, что именно тогда Гумилев мог увидеть в «системном», развернутом и последовательном противостоянии символизму главный движущий импульс к созданию нового независимого поэтического направления. Историки русской литературы начала XX века закономерно придают данному событию высокий «структурообразующий» статус, но кажется некоторым преувеличением утверждение, принадлежащее Е. Г. Эткинд: «Дата возникновения акмеизма (впрочем, до рождения этого термина) точная: 1910 год» (*Эткинд Е. Кризис символизма и акмеизм // История русской литературы. XX в.: Серебряный век. М., 1995. С. 462*).

²⁵ Ср.: *Нерлер П. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. С. 10, стб. 2; Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, А. М. Видгофа, Д. И. Зубарева и др. / 2-е изд., испр. и доп. Toronto, 2016. С. 33.*

²⁶ *Ахматова А. Листки из дневника. С. 102.*

ными исследователями) развернутое, максимально полное и детализированное научное описание мировоззренческого и художественного проявления мандельштамовской приверженности символистской традиции принадлежит Жирмунскому, в статье «Преодолевшие символизм» (Русская мысль. 1916. Кн. XII) отмечавшему: «По стихам Мандельштама легко проследить весь путь развития, пройденный им от символизма к чувству жизни и поэтике новой школы. Ранние стихи Мандельштама отличаются настоящим, хотя и очень сдержанным, лиризмом. Мир его поэтических переживаний — в особой области чувств, которая роднит его с некоторыми ранними представителями символизма, в особенности французского. В своем художественном творчестве он воспринимает мир не как живую, осязательную и плотную реальность, а как игру теней, как призрачное покрывало, наброшенное на настоящую жизнь. Жизнь не реальна. Это — марево, сон, созданный чьим-то творческим воображением; жизнь самого поэта не реальна, а только призрачна, как видение и греза. (...) Когда все грани пространства и времени кажутся не твердыми и присущими самим вещам, а зыбкими, переменчивыми, субъективными, совершаются пространственные перенесения и искажения взаимного положения вещей, характерные для такого идеалистического восприятия жизни. (...) — Таким образом (...) ранние стихи дают возможность проникнуть в душевный мир поэзии Мандельштама и сопоставить его чувство жизни с отношением к ней некоторых поэтов-символистов»²⁷. Позднее Л. Я. Гинзбург акцентировала внимание на мандельштамовской ориентации на символистскую традицию непосредственно в связи с рассматриваемым периодом; по ее словам, поэт «(...) начинал как преемник русских символистов, но начинал именно в тот момент, когда распад символизма был уже для всех очевиден, а недавний его корифей Блок искал уже другие ответы на тревожные запросы времени»²⁸. При этом А. А. Моро-

²⁷ Жирмунский В. Вопросы теории литературы: Статьи 1916–1926. Л., 1928. С. 302–304; то же — в: Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Изд. подгот. Н. А. Жирмунской. Л., 1977. С. 122–123; Акмеизм в критике: 1913–1917 / Сост. О. А. Лекманов, А. А. Чабан. СПб., 2014. С. 464–465.

²⁸ Гинзбург Л. «Камень» // Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л., 1990. С. 261. В развитие темы могут быть названы публикации: Струве Н. Осип Мандельштам. Томск, 1992. С. 12–13, 146–147; Лекманов О. А. Мандельштам и символизм. Статья из не вышедшего словаря // Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000; Лекманов О. А., Глухова Е. В. Осип Мандельштам и Вячеслав Иванов // Башня

зов специально подчеркивал, что в это время «(...) в начатой полемике вокруг символизма Мандельштам не участвует, живя большей частью за границей»²⁹. Тем не менее можно предполагать, что случившееся в ОРХС 1.4.1910 прямо или опосредованно подразумевается в «программной» мандельштамовской статье (монографии) «О природе слова»³⁰ при характеристике главного «дифференциального признака» акмеизма: «Литературные школы живут не идеями, а вкусами: принести с собой целый ворох новых идей, но не принести новых вкусов — значит не сделать новой школы, а лишь основать полемику. Наоборот, можно создать школу одними только вкусами, без всяких идей. — Не идеи, а вкусы акмеистов оказались убийственны для символизма. Идеи оказались отчасти перенятыми у символистов, и сам Вячеслав Иванов много способствовал построению акмеистической теории»³¹. А далее в качестве основополагающего механизма проявления деятельной любви к литературе назван теоретически и практически обоснованный подход акмеизма к художественному творчеству — «(...) мужественная воля к поэзии и поэтике: Подъемная сила акмеизма в смысле деятельной любви к литературе, ее тяжести, ее грузу, не-

---

Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 173–175; *Калмыкова В. В.* Символизм // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017; *Goldberg S.* Mandelstam, Blok, and the boundaries of mythopoetic symbolism. Columbus, 2013. P. 35–81 (в настоящее время стал доступен и русскоязычный вариант этого издания: *Голдберг С.* Мандельштам, Блок и границы мифопоэтического символизма / Пер. с англ. В. Третьякова. М., 2020) и др.

²⁹ *Морозов А. А.* Мандельштам О. Э. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т. 3 : К–М / Гл. ред. П. А. Николаев. М., 1994. С. 506, стб. 2.

³⁰ Теперь время написания данного текста, ранее расплывчато датированного 1920–1922 годами, можно с уверенностью относить к февралю 1922; см.: *Мец А. Г.* Комментарии // *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем : в 3 т. Том 2 : проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста и др. М., 2010. С. 502–503.

³¹ Последняя по времени известная попытка истолкования этого афористического сообщения выглядит следующим образом: «Роль Вяч. Иванова в создании “акмеистической теории” (которая в действительности не была создана (...)) Мандельштамом преувеличена вследствие его пиететного отношения к Вяч. Иванову, содействовавшему М. [sic. — С. Ш.] в начале его поэтического пути и отчасти повлиявшему на его мировоззрение» (*Мец А. Г.* Комментарии. С. 511). В чем проявилось содействие старшего поэта младшему столь же загадочно, как и оказанное им конкретное влияние на (художественное?) мировоззрение того. Собственно говоря, в процитированном мандельштамовском утверждении один из столпов русского символизма менее всего видится в роли деятельного соучастника создания идущего ему на смену акмеизма.

обычайно велика, и рычагом этой деятельной любви и был именно новый вкус, мужественная воля к поэзии и поэтике, в центре которой стоит человек, не сплюснутый в лепешку лжесимволическими ужасами, а как хозяин у себя дома, истинный символизм, окруженный символами»³².

Именно на заседаниях ОРХС могло состояться знакомство Мандельштама с Недоброво, который принимал в жизни объединения самое деятельное участие и как докладчик, и как самый активный участник постоянных прений. Так, 26.3.1911 «(...) состоялась доклад Н. В. Недоброво по вопросу о взаимоотношении ритма и метра в стихосложении. Доклад этот занимает место среди попыток, столь умножающихся в последнее время, разобраться в почти необозримо сложном строе русского стиха, который тщетно стараются школьные учебники свести к простым формам ямба, хорея и т. п. (...) Н. В. Недоброво усматривает в метре некий внешний канон, необходимый для осуществления той глубокой эстетической потребности, которая выражается в ритмических исканиях; но это соотношение часто принимает оттенок противоречивости. В построениях своих докладчик, однако, не заходит так далеко, как Андрей Белый; тем не менее докладчику возражал Вячеслав Иванов, который, как известно, более широко смотрит на задачи и возможности метра»³³. Приводимая хроникером точка зрения выступавшего позднее была отражена в журнальной версии его сообщения: «(...) коренная разница между ритмом и метром в том, что: метр в речи может быть отыскан формально, а ритм может быть признан лишь внутреннюю восприимчивостью человека»³⁴. На вопрос о том, присутствовал ли на этом заседании Мандельштам, ответить невозможно.

---

³² Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993. С. 229, 230.

³³ Чудовский В. Литературная жизнь (Собрания и доклады) [Русская художественная летопись. 1911. № 9] // Вяч. Иванов: pro et contra. Т. 1 : Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин, коммент. Е. В. Глухова и др. СПб., 2015. С. 268.

³⁴ Недоброво Н. В. Ритм, метр и их взаимоотношение // Труды и дни. 1912. № 2. С. 17. Комментарий к данной публикации в стиховедческой перспективе был предложен М. А. Гаспаровым, по мнению которого «(...) мысли ее были плодотворны для классического стиховедения 1920-х годов и не утратили значения и теперь» (Гаспаров М. А. Ритм и метр Н. В. Недоброво в историческом контексте // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалов для обсуждения. Рига;

М., 1992. С. 150). Дальнейшее развитие темы содержится в исследовании: *Кормилов С. И. Вяч. Иванов и Н. Недоброво как стиховеды // Вяч. Иванов: pro et contra. Т. 1 : Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин, коммент. Е. В. Глухова и др. СПб. гуманитарной академии, 2015. Показательна в этом отношении ахматовская характеристика, зафиксированная Лукницким 4.12.1925: «После смерти Недоброво его друзья хотели издать сборник памяти Недоброво, в котором были бы собраны их статьи и воспоминания. Тогда из этой попытки ничего не вышло. Я говорю о статье Недоброво “О метре и ритме” и говорю, что если бы заменить ее терминологию современной, то всякий формалист почел бы ее за статью такого же и очень умного формалиста. АА отвечает, что все наши формалисты так или иначе учились у Недоброво» (*Лукницкий П. Н. Asutiana. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1 : 1924–1925. Париж, 1991. С. 294–295*). В качестве иллюстраций данного утверждения могут быть приведены самые разнообразные косвенные свидетельства. Так, например, по поводу намерения Жирмунского выпустить коллективный сборник научных материалов в письме ему 9.6.1917 Александр Смирнов, в частности, отмечал: «План издания научно-критических брошюр мне чрезвычайно нравится. (...) Намерение пригласить Недоброво горячо приветствую. Что если бы предложить ему изложить его взгляды на русское стихосложение? — или на некоторые отдельные вопросы из этой области?» (*Письма А. А. Смирнова В. М. Жирмунскому. 1917–1922 // Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / Публ., коммент. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М., 2013. С. 350–351*). Такое предложение со стороны Жирмунского последовало и было более чем доброжелательно встречено Недоброво (см.: *Тименчик Р. Д. Из поздней переписки Н. В. Недоброво // Шестые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига ; М., 1992. С. 150–152; ср.: Никольская Т. А., Тименчик Р. Д., Мец А. Г. Предисловие // Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. А. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца, под общ. ред. Р. Д. Тименчика. Stanford, 1997. С. 9*), однако дальнейшего продолжения это начинание не нашло. Показательна в этом отношении и более поздняя точка зрения «стороннего наблюдателя» — Дмитрия Святополк-Мирского, высказанная в его англоязычной рецензии на новое издание «Трактата о русском стихе» Георгия Шенгели (*The Slavonic Review. 1924. Vol. 2. № 6. P. 657*): «Интерес в вопросах литературной формы, включая вопросы стихосложения, — одна из замечательных особенностей современного литературного движения в России. За последние несколько лет было создано больше ценных книг о просодии, чем за весь XIX век. (...) Новая эпоха началась весьма стимулирующей, субъективной и оригинальной книгой поэта Андрея Белого (“Символизм”, 1910). В последующие годы много ценного было сделано покойным Н. В. Недоброво <...>, В. Чудовским и др., но эта работа осталась несистематичной и разъединенной» (*Святополк-Мирский Д. П. [рец.] Г. Шенгели. Трактат о русском стихе. 2-е, исправл., изд. М.; Пг.: Госиздат, 1923 // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подгот. текстов, коммент., материалы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова. М., 2014. С. 70*). Вместе с тем, тогда же в предисловии к первому собственно «филологическому» труду о русском стихе Борис Томашевский в оценке практического опыта своих предшественников был более сдержан: «Науки о русском стихе как законченной дисциплины еще не существует. (...) Разрозненные этюды о русском сти-*

Непредвиденными событиями, оставившими свой более чем заметный след в истории русской литературы, сопровождалось собрание 13.4.1911³⁵. Открылось оно выступлением Иванова, в котором тот «(...) сообщил Обществу свою оценку образцов абиссинской народной поэзии, записанных и переведенных Н. С. Гумилевым во время его недавнего африканского путешествия. В. И. Иванов сначала показал, что каждому искусству свойственна особая стихия, непрестанное соприкосновение с которой необходимо для полного и органичного его развития. Для словесного творчества такой стихией является народная поэзия. Затем В. И. Иванов» подробно разобрал одну абиссинскую оду и показал, что она удовлетворяет основным требованиям в актуальности, реальности и прегнантности поэтического восприятия. — После доклада присутствовавшие поэты прочитали неизданные стихотворения. Н. С. Гумилев произнес циклическое произведение “Блудный сын” вызвавшее оживленные прения о пределах той свободы, с которой поэт может обрабатывать традиционные темы. Вячеслав Иванов прочитал стихотворение в форме газеллы, на абиссинские мотивы, связанное с рассказами Н. С. Гумилева о вышеупомянутом путешествии; оно послужило поводом к обмену мыслей о пределах применения газеллы как национальной формы. Затем читали свои стихи М. А. Зенкевич и Ю. Н. Верховский»³⁶. «Оживленные прения» по поводу гумилевского чтения Ахматова позднее охарактеризовала иначе: «Когда Н<иколай> С<тепанович> читал в Академии стиха своего “Блудного сына”, В<ячеслав> обрушился на него с почти непристойной бранью. Я помню, как мы возвращались в Царское. Совершенно раздавленные происшедшим, и потом Н<ико-

---

хе, имеющие научный характер (вроде статей А. Белого), не слагаются в общую научную систему. Статьи и работы принципиального характера (С. Боброва, В. Чудовского, Н. Недоброво и др.) грешат априорностью суждений и более отражают вкусовые суждения авторов, чем дают законченную систематизированную теорию русского стиха. Многие из их утверждений войдут в науку, но лишь, после основательной проверки на материале» (Томашевский Б. Русское стихосложение: Метрика. — Пб.: Academia, 1923. С. 3).

³⁵ Ср.: Шиндин С. «Печальную повесть сотворив ...»: К выходу в свет «Мандельштамовской энциклопедии». Статья четвертая: А–О. С. 89–91 [эл. изд.; URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/68/Shindin68.pdf>].

³⁶ Чудовский В. Литературная жизнь (Собрания и доклады). С. 269. О рецепции и ассимиляции упомянутой стихотворной формы Ивановым и его окружением в середине 1900-х годов идет речь в заметке: Богомолов Н. А. К истории русской газеллы // Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010.

лай> С<тепанович> всегда смотрел на В<ячеслава> И<вановича> как на открытого врага»³⁷. Со слов Ахматовой в рамках устоявшейся общепринятой версии передала рассказ о случившемся Надежда Мандельштам (что, возможно, косвенно свидетельствует об отсутствии самого Мандельштама на этом заседании): «Блудный сын” Гумилева (“Первая акмеистическая вещь Коли”, — говорила Ахматова) был прочитан в “Академии стиха”, где княжил Вячеслав Иванов, окруженный почтительными учениками. Вячеслав Иванов подверг “Блудного сына” настоящему разгрому. Выступление было настолько резкое и грубое (“никогда ничего подобного мы не слышали”), что друзья Гумилева покинули “Академию” и организовали “Цех поэтов” — в противовес ей»³⁸. Многими современниками (и основывающимися на их свидетельствах исследователями и биографами) именно данное столкновение и ивановское неприятие новой поэтики Гумилева было воспринято как импульс для формирования им теоретических и практических координат будущего акмеизма. Например, в прямую зависимость ставил эти события в своих воспоминаниях Маковский: «“Поэтическая академия” вскоре заглохла, отчасти — из-за восставшей на символизм молодежи, с Гумилевым и Городецким во главе. Вместе они основали “Цех поэтов”, который и явился дальнейшим питомником русского поэтического модернизма»³⁹. Таким образом, в истории русской литературы начала XX века непреложным фактом является утверждение о том, что «13 апреля 1911 года в Обществе ревнителей художественного слова Гумилев прочел стихотворение “Блудный сын” и был резко раскритикован Вячеславом Ивановым. Ахматова называла “Блудного сына” акмеистической вещью Гумилева, а почти скандальное обсуждение в Академии Стиха считала первым толчком к разрыву Гумилева с “Башней” и к созданию Цеха поэтов»⁴⁰. Как

³⁷ Ахматова А. Автобиографическая проза // *Хейт А.* Анна Ахматова. Поэтическое странствие: Дневники, воспоминания, письма А. Ахматовой / Пер. с англ. М. Тименчика, коммент. В. Черных, Э. Бабаева, Э. Герштейн. М., 1991. С. 223–224.

³⁸ Мандельштам Н. Вторая книга // *Мандельштам Н.* Собрание сочинений : в 2 т. Т. 2 : «Вторая книга» и другие произведения (1967–1979) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 63.

³⁹ Маковский С. Вячеслав Иванов. С. 276.

⁴⁰ Тименчик Р. Анненский и Гумилев // *Тименчик Р.* Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М., 2017. С. 257. Там же автор подробно реконструирует интертекстуальный «ореол» этого события, в гумилев-

известно, окончание формального этапа создания «Цеха поэтов» относится к октябрю 1911 года, и применительно к начальному периоду его существования главные «оппоненты» нового объединения были эксплицированы позднее в редакционной заметке первого альманаха «Цеха поэтов» второго: «(...) в течение полугодовой работы Цеха ясно определилась в нем группа, вкусы и устремления которой являлись естественной реакцией против Академии Стиха Н. В. Недоброво и Вячеслава Иванова. Слово “символизм” потеряло для этой группы свою магическую власть, послышались разговоры о “честности” в поэзии и о “линии наибольшего сопротивления”»⁴¹. Много позже Ахматова выразилась еще жестче: «В 1911 (...) Цех бойкотировал “Академию стиха”»⁴². Вряд ли случайно на конец этого же года приходится связанное с существованием ОРХС и появлением в качестве его независимого «оппонента» «Цеха поэтов» еще одно заметное событие — очередное собрание в доме Лозинского дружеского кружка «Транхопс», в число участников которого входили и некоторые члены нового литературного объединения⁴³. 20.12.1911, после состоявшегося заседания «Цеха поэтов», некоторые из присутствовавших на нем были заняты писанием иронических сонетов-акростихов с ключевой фразой «Цех ест Академию»⁴⁴.

ской поэзии связанный с именем Анненского. Исчерпывающий историко-литературный и «семантический» комментарий стихотворения Гумилева и ситуации вокруг него содержится в комментарии: *Баскерв М. и др. Примечания // Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 2 : Стихотворения. Поэмы (1910–1913) / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера и др. М., 1998. С. 231–234.* — По поводу данного эпизода истории русской литературы начала XX века составители мандельштамовской биографии ограничились только кратким вольным изложением процитированной выше хроникальной заметки Чудовского: *Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 38.*

⁴¹ Цех поэтов. I. Берлин, 1922. С. 7. (К сожалению, в процитированный фрагмент вкралась опечатка при его относительно недавней republicации: *Акмеизм в критике: 1913–1917. С. 29, прим.*)

⁴² Ахматова А. Листки из дневника. С. 103.

⁴³ О возникновении и первых «литературных» шагах нового неформального сообщества говорится в публикации: «Транхопс» и около (по архиву М. А. Лозинского) / Публ. И. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот. и примеч. А. Меца // *Natales grate numeras? Сб. статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона. СПб., 2008. С. 247–253.*

⁴⁴ См.: «Транхопс» и около (по архиву М. А. Лозинского). Часть II / Публ. И. В. Платоновой-Лозинской, сопроводит. текст, подгот. и примеч. А. Г. Меца // *Габриэлиада: К 65-летию Г. Г. Суперфина [эл. изд.; URL: <http://www.ruthenia.ru/document/545494.html>]. Совершенно невозможно представить, что долж-*

Возвращаясь к деятельности ОРХС, следует с глубоким сожалением констатировать отсутствие, в отличие от практики «Поэтической академии», документальных свидетельств о происшедшем на его собраниях. Ввиду данного обстоятельства невозможно не только с желаемой полнотой, но даже с более или менее удовлетворительной эпизодичностью определить перечень тех, которые были посещены Недоброво и Мандельштамом. И если первый из них в силу своего «общественного» статуса мог присутствовать на большинстве заседаний, то сказать такого о втором нельзя, особенно с учетом его специфической неорганизованности и даже недисциплинированности. В силу этого посещение Мандельштамом почти всех собраний ОРХС остается предположительным, хотя во многих случаях и более чем вероятным. Так, например, он мог присутствовать на прошедшем под председательством Иванова заседании 29.10.1911, когда прозвучал «(...) доклад Владимира Пяста “О каноне”, зародившийся как отзвук известного доклада Вячеслава Иванова “Заветы символизма” (“Аполлон”, 1910, июнь) и последовавшей в широкой печати полемики. (...) Ценное толкование своего учения дал по поводу этого доклада Вячеслав Иванов»⁴⁵. На собрании присутствовал близко общавшийся в этот период с Мандельштамом Сергей Каблуков, на следующий день оставивший в дневнике развернутую запись о состоявшемся событии: «Вчера

но было послужить для комментатора этой публикации не только фактическим, но и логическим обоснованием такого парадоксального признания: «Когда и где были сказаны Вячеславом Ивановым слова, перифразированные в акrostихе, точно установить не удастся, по-видимому — в самые недавние дни, и вероятнее — дома, на “башне”, в один из “понедельников”». Впрочем, интерпретации в любой сфере — историко-культурной, биографической и, особенно, семантической — никогда не были сильной стороной этого автора.

⁴⁵ Чудовский В. Литературная жизнь (Общество ревнителей художественного слова) [Русская художественная летопись. 1911. № 20] // Вяч. Иванов: pro et contra. Т. 1 : Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей / Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин, коммент. Е. В. Глухова и др. СПб., 2015. С. 270. Ср.: «29 октября 1910 года Пяст выступил в “Обществе ревнителей” с сообщением “О каноне”, явившимся откликом на доклад Вяч. Иванова и полемику в печати (Русская художественная летопись. 1911. Апрель. № 20. С. 320). По материалам этого сообщения была написана статья “Нечто о каноне”» (Кузнецова О. А. Дискуссия о состоянии русского символизма в «Обществе ревнителей художественного слова» (обсуждение доклада Вяч. Иванова). С. 201, стб. 2, прим. 13). О восприятии современниками ивановского выступления также идет речь в публикации: Богомолов Н. А. К реконструкции обсуждения доклада Вяч. Иванова о символизме // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Томск, 1999.

был на заседании “Общества ревнителей художественного слова” в “Аполлоне”. Оно было крайне немногочленным. Кроме “Совета”, т. е. председателя Вяч. Иванова, Ал. Блока и М. Кузмина, были еще Анна Ахматова (жена Н. Гумилева), Серг. Городецкий, Е. Зноско-Боровский, Иосиф Мандельштам, Вал. Пяст, К. Сюннерберг, Вал. Чудовский и нек<оторые> другие. Пяст, опоздавший на целый час, прочел доклад “О каноне”, во введении этого доклада, вызванного статьями Иванова и Блока о значении символизма, Пяст пользовался уподоблениями из области математики и физики и, конечно, или неверными, или неудачными. (...) До доклада Пяста Вяч. Иванов объяснил, какое отношение к стилю имеет вопрос о “каноне”, иллюстрируя свою речь цитатами из “Ars poetica” Горация. — Первая же часть заседания, на которой члены читают свои стихи, не состоялась. — Я познакомился с Гумилевой, Городецким и Чудовским»⁴⁶. Упомянутая Каблуковым несостоявшаяся «(...) часть заседания, на которой члены читают свои стихи», очевидно, была перенесена на следующее собрание 12.11.1911: оно «(...) посвящено было обсуждению неизданных стихотворений, которые читали присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Зенкевич, Вас. Гиппиус, Вир)»⁴⁷. Посещение собрания Мандельштамом кажется более чем вероятным уже только потому, что за месяц до этого, 12.10.1911, Пяст обращался к Иванову в письме со следующей просьбой: «Два молодых поэта — Б. Ф. Калупин (Кременчугов (...)) и Александр Вир (...) — просили меня порекомендовать их Поэтической Академии. Нельзя ли им присутствовать в субботу гостями? К моей рекомендации присоединяется Мандельштам»⁴⁸. В такой ситуации вряд ли поэт мог оставить без внимания выступление своего протеже.

Резонансное, «программное» заседание состоялось 18.2.1912 и, согласно журнальному обзору Недоброво, «(...) было посвя-

⁴⁶ О. Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С. П. Каблукова // *Мандельштам О. Камень* / Изд. подгот. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л., 1990. С. 245. В мандельштамовском жизнеописании основанием для категорического утверждения о его присутствии на выступлении Пяста послужило не это свидетельство старшего товарища, упомянутое лишь для сравнения, а содержательная дневниковая запись Блока (Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 42): «Вечером пьем чай в “Квисисане” — Пяст, я и Мандельштам».

⁴⁷ *Чудовский В. Литературная жизнь* (Общество ревнителей художественного слова). С. 271.

⁴⁸ РНБ. Ф. 248. Ед. хр. 572; цит. по: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 40–41. О самом собрании ОРХС речь в этом источнике не идет.

щено чтению и обсуждению докладов В. И. Иванова и В. Н. Бугаева о символизме. (...) В прениях приняли участие: В. А. Пяст, В. А. Чудовский, Д. В. Кузьмин-Караваев, С. М. Городецкий и Н. С. Гумилев. Двое первые говорили, как, в основном, единомышленники докладчиков, г-да же Кузьмин-Караваев, Городецкий и Гумилев выступили с возражениями. (...) С. М. Городецкий протестовал против символизма во имя мифа и находил, что символисты самораспинаются в своем стремлении в запредельную даль. В конце своей речи С. М. Городецкий сказал слова, которых воспроизвести точно я не сумею, но в которых заключалась формула полного его обособления от символизма. Н. С. Гумилев также заявил о своем отрицательном отношении к символизму»⁴⁹. И далее Недоброво сообщил: «По поводу этих речей из среды собрания было замечено, что главное значение докладов В. И. Иванова и В. Н. Бугаева заключается в большой отталкивательной их силе, вследствие которой они, быть может, помогут стоящей на очереди перегруппировке поэтических сил», — на что Иванов в ответном слове «по поводу отталкивательной силы некоторых положений, содержащихся в докладах, (...) заявил, что введение этой силы в его мысли было произведено преднамеренно»⁵⁰. «Цеховой» аспект этой дискуссии отчетливо ощущался присутствующими — на следующий день Михаил Кузьмин оставил в дневнике такую запись: «Был скандал в Академии, кого выбирать? Символистов или “Цех”? Я думаю, второй»⁵¹. О том, посетил ли это заседание Мандельштам, никаких данных нет. 12.5.1912 Недоброво прочел в обществе доклад, по одной версии, называвшийся «О темах»⁵², по другой — содержащий рассуждения «о задачах русской поэтики»⁵³, и в том и в другом случае предполагать, что могло представлять собой сообщение на указанную тему доволь-

⁴⁹ Недоброво Н. В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге // Труды и дни. 1912. № 2. С. 26–27. В «трудах и днях» поэта (Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 45) указание на данный обзор содержит пунктуационную (и, как следствие, стилистическую) ошибку и фактическую неточность.

⁵⁰ Недоброво Н. В. Общество ревнителей художественного слова в Петербурге. С. 27.

⁵¹ Кузьмин М. Дневник 1908–1915 / Подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 336.

⁵² РГАЛИ. Ф. 1811. Оп. 1. № 15; см.: Кравцова И. Г., Постоутенко К. Ю. Недоброво Н. В. С. 262, стб. 1.

⁵³ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 47.

но проблематично; о присутствии на нем Мандельштама ничего не известно.

С осени 1912 года до осени 1913 из-за отъезда Иванова за границу деятельность ОРХС прерывалась, причем причину сопутствовавших этому организационных трудностей Недоброво видел в скрытом противостоянии представителей активно входящего в литературную жизнь акмеизма. 22.1.1913 он сообщал Иванову, находившемуся в Риме: «Ничего утешительного нельзя сказать об Обществе. До сих пор не удается созвать его, по причине полной неработоспособности комитета. (...) — Я тогда выдумал план созыва Академии помимо комитета, пользуясь спасительной силой навыков. Я сговорился с Чудовским, чтобы он попросту разослал повестки, и когда народ соберется я полагал, что удастся, никого не обижая, сделать комитет работоспособным, предложив увеличить его состав на 2–3 лица, выбрать туда подходящих людей и затем уже с их помощью вести дело. Чудовский на эту комбинацию согласился, но потом стал тянуть и до сих пор никаких повесток не разослал, объясняя это неустройствами с помещением в “Аполлоне”, вытекающими из болезни Маковского. Я же думаю, что это попросту один акмеизм. (...) — Мне все это причиняет большое огорчение»⁵⁴. С этим периодом в биографиях обоих литераторов связан другой значительный историко-литературный эпизод — участие в работе Общества поэтов (Нового общества поэтов, «Физы») 1913–1915 годов⁵⁵. Недоброво был одним из организаторов этого объединения, в котором «(...) с самого начала играл руководящую роль»⁵⁶ (в том числе и формально — являясь товарищем (заместителем) председателя общества)⁵⁷. 21.6.1913 Александр Кондратьев в письме Борису Садов-

---

⁵⁴ Н. В. Недоброво и Л. А. Недоброво в переписке с В. И. Ивановым и М. М. Замятниной. С. 300–301.

⁵⁵ См., напр.: *Шруба М.* Общество поэтов // *Шруба М.* Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов: Словарь. М., 2004.

⁵⁶ *Струве Г. П.* [Коммент. к публ.] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу / Публ. Г. П. Струве // *Slavica Hierosolymitana*. 1981. Vol. V–VI. С. 439; см. также: *Кравцова И. Г., Постолуенко К. Ю.* Недоброво Н. В. С. 262, стб. 1; *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. С. 106–109.

⁵⁷ Стремление к подобному рода начинанию проявилось у будущего литератора еще в годы его обучения в Санкт-Петербургском университете: «Осенью 1905 года Недоброво пытается организовать литературное общество» («академию»), по его собственному дневниковому признанию, «для того, чтобы

скому сообщал: «Вы спрашиваете, что это за Новое Общество Поэтов? Во главе — имена малоизвестные, или известные только в кружках. Председатель — Лисенков (служащий в канцелярии Гос<ударственного> Совета; член кружка любителей изящных изданий; знаток итальянского искусства эпохи Возрождения; хорошо знаком со старой русской поэзией; сам пишет стихи, но их не печатает). Главную же роль играет некто Н. В. Недоброво»⁵⁸. Значительно позднее, 12.12.1914, в письме Брюсову он повторил эту характеристику, связав ее с именем Иванова: «Лисенков состоит председателем не функционирующего этот сезон “Нового Общества Поэтов”. Ораторские обязанности в этом обществе исполняет Н. В. Недоброво (Товарищ Председателя и большой друг Вяч. Иванова, который, по-видимому, очень дорожит отношениями с ним). Лисенков более сдержан с В. Ив. (...) Лисенков сам пишет недурные стихи, но не печатает их»⁵⁹. Создание этого объединения стало противодействием нарастаю-

---

устроить академию — собрания талантливых мужчин и приятных женщин, которые должны привести к организации новой литературной и, даже шире, вообще художественной партии» (*Кравцова И. Г., Обатнин Г. В.* Материалы Н. В. Недоброво в Пушкинском доме // Шестые Тьяньновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 94). О литературно-критических и филологических исканиях Недоброво см.: *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. С. 85–217.

⁵⁸ А. А. Кондратьев. Письма Б. А. Садовскому / Публ., подгот. текста С. В. Шумихина, предисл. и примеч. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина // *De Visu*. 1994. № 1/2. С. 10). Данная автором письма не слишком комплиментарная характеристика Недоброво, вероятно, отчасти объясняется относящимся к самому началу 1910-х годов признанием Пяста (возможно, и не соответствующим реальной ситуации): «Недоброво почему-то считался человеком чрезвычайно поверхностным; мы готовы были объявить его прямо-таки “несуществующим”» (*Пяст Вл.* Встречи. С. 126).

⁵⁹ *Богомолов Н. А., Соболев А. А.* Письма А. А. Кондратьева к В. Я. Брюсову (окончание) // *Литературный факт*. 2019. № 1 (11). С. 191–192. Там же в примечании содержится краткая справка о Евгении Лисенкове (1885–1954): «поэт, издатель, искусствовед, научный сотрудник, а затем заведующий отделом гравюр Эрмитажа. Наиболее значительная публикация его редких стихотворных опытов состоялась в “Альманахе муз” (Пг., 1916), создававшемся при его участии». (Чуть подробнее речь об этом издательском начинании идет далее.) При этом необходимо учитывать, что он, очевидно, входил в круг близкого «филологического» общения Недоброво много ранее; в частности, в процитированной выше дневниковой записи 1905 года о создании некоего литературного общества («академии») имя Лисенкова названо в числе главных его участников; см.: *Кравцова И. Г., Обатнин Г. В.* Материалы Н. В. Недоброво в Пушкинском доме С. 94.

щему влиянию «Цеха поэтов» (точнее — Гумилева), а затем — появившемуся в культурном пространстве и укреплявшему свое положение в нем акмеизму: «Проект создания собственного литературного кружка Недоброво и Лисенков разрабатывали еще в начале 1912 г. (...) Замысел осуществился лишь год спустя как попытка замещения Общества ревнителей художественного слова, временно прекратившего весной 1912 г. свою деятельность после того, как часть “ревнителей” примкнула к “Цеху поэтов”, остальные, не желавшие подчиняться “синдикам” “Цеха” Н. С. Гумилеву и С. М. Городецкому или относившиеся враждебно к провозглашаемому ими акмеизму <...>, нуждались в другом месте для чтений и выступлений»⁶⁰. Позднее Пяст — один из активных участников нового литературного образования — вспоминал: «Надо заметить, что почти все члены Цеха Поэтов (...) бывали на собраниях “Физы”», — и он же свидетельствовал: «Товарищ председателя, Н. В. Недоброво, говорил о том, что в лице его осуществляется “личная уния” Общества Поэтов с Обществом ревнителей художественного слова (“Физы” с Академией)»⁶¹. Особый интерес Мандельштама к деятельности нового объединения близких ему литераторов представляется очевидным, при этом показательно, что имена обоих поэтов прямо соединил Борис Зубакин, которому принадлежит «стиховой мемуар об Обществе поэтов (первые опубликованный С. В. Шумихиным): «Туда, как будто бы для танцев — / Салонные съезжались львы, — / Недоброво забыли ль Вы? / И Пяста, призрака испанцев? / А Мандельштамский завиток, / Что вился прядью в потолок?»⁶². Собрания, как правило, завершались чтением стихов кем-то из присутствовавших и последующим их обсуждением, активное участие в которых, судя по всему, принимал Недоброво⁶³.

⁶⁰ Шруба М. Общество поэтов. С. 153 (в процитированном фрагменте исправлены все опечатки).

⁶¹ Пяст Вл. Встречи. С. 144.

⁶² Тименчик Р. Комментарии // Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. ст., науч. подгот. текста, коммент. Р. Тименчика. М.: Новое литературное обозрение, 1997. С. 345.

⁶³ Вместе с тем, откровенно уничижительную характеристику данного объединения, труднообъяснимую реальными обстоятельствами, оставил в своих «беллетризованных воспоминаниях» Георгий Иванов: «Среди множества петербургских литературных обществ было и такое: “Физа”. Название это не расшифровывалось, как подобные ему советские названия. “Физа” не значило — “филологический институт звуковых анализов” или что-нибудь в этом роде.

Если следовать программе заседаний Общества поэтов, 4 и 27 апреля 1913 года самим Недоброво мог быть прочитан доклад «О связи некоторых явлений русского стихотворного ритма с дыханием», на 1.11.1913 было запланировано его сообщение «(...) о книге князя С. М. Волконского “Выразительный человек”»⁶⁴. С уверенностью можно утверждать, что 3.12.1913 оба поэта прослушали выступление Марии Моравской «О частушке» и со-

---

“Физой” звался герой поэмы, очень бездарной и очень пышной, прочитанной на открытии одним из ее великосветских учредителей. “Физа” тем и отличалась от остальных литературных мест, что хозяевами ее были любители прекрасного с громкими фамилиями и в звании камер-юнкеров высочайшего двора. Теперь уж я не помню, как звалась “Физа” по-настоящему. Над “Фнзой” все смеялись, но все ее посещали. Помещение было просторное, благоустроенное, где-то на Сергиевской. Выступлений эстетов-учредителей можно было не слушать, коротая время в прекрасной столовой за бесплатными сэндвичами с икрой и даровой мадерой. Кто-то сказал, что в Петербурге ходят на разные собрания исключительно из-за антрактов — себя показать и людей посмотреть. Заседания “Физы” были сплошным антрактом, да еще с мадерой. И на собраниях ее всегда было шумно и многолюдно» (Иванов Г. Человек в рединготте // Иванов Г. В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика / Сост., подгот. текста Е. В. Витковского, В. П. Крейда, коммент. В. П. Крейда, Г. И. Мосешвили. М., 1993. С. 402–403). Появление данного пассажа представляется тем более странным, что автор его, очевидно, сам в качестве докладчика неоднократно выступал на заседаниях Общества поэтов. Об индивидуальной специфической природе ивановской «мемуарной прозы», органично балансирующей между реальной фактической достоверностью и самым смелым художественным вымыслом см.: Lazzarin F. Фиктивный характер (псевдо) мемуарного текста как эстетическая программа. Еще раз о «Петербургских зимах» Георгия Иванова // Avtobiografija. 2012. № 1 (URL: <https://avtobiografija.com/index.php/avtobiografija/issue/view/1>); ср.: Шиндин С. Из «теневого окружения» Мандельштама: Сергей Маковский // Новый Журнал. 2017. Кн. 288. С. 284–287 (URL: <https://newreviewinc.com/pdf/2017/288.pdf>). Об этом же аспекте мемуаристики «младшего акмеиста», но в более широком историко-литературном контексте идет речь в публикации: Кацис Л. Ф. Необычные способы проверки фактографичности мемуаров Г. В. Иванова (Георгий Иванов — Н. Я. Мандельштам — Г. П. Струве — «Липочка») (в печати).

⁶⁴ Тименчик Р. Комментарии. С. 346; программа объединения воспроизведена комментатором по первой публикации: Письма Александра Блока / Вступ. ст. и примеч. С. М. Соловьева и др. А., 1925. С. 212–213. (Второе из собраний могло быть интересно Мандельштаму ввиду его личных и художественных взаимоотношений с Сергеем Волконским, о чем речь идет далее.) Недоброво был и автором печатных откликов на две монографии Волконского — «Выразительный человек: Сценическое воспитание жеста (по Дельсарту)» (СПб.: Издание «Аполлона», [1912]) и «Выразительное слово: Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене» (СПб., 1913); см.: Кравцова И. Г., Обатнин Г. В. Материалы Н. В. Недоброво в Пушкинском доме. С. 95.

стоявшиеся после него поэтические чтения: согласно дневниковой записи современника, на заседании общества присутствовали «А. Кондратьев, В [ас.] Гиппиус, О. Мандельштам, Скалдин, Рюрик Ивнев, Чеботаревская, Недоброво, М. Моравская (...). Гиппиус и Вир читали стихи, обсуждали Недоброво и Скалдин»⁶⁵. 11.12.1913 оба присутствовали на докладе о Тирсо де Молина (Габриэле Тельесе) и его комедии «Осужденный за маловерие» (1635). В дневниковой записи одного из участников собрания говорится: «Среди публики были — А. Ахматова, М. Моравская, Скалдина, Г. Иванов, О. Мандельштам, Вл. Соловьев, Скалдин, Недоброво (...) и еще много, которых я не знаю в лицо»⁶⁶. Эпизод, связанный с выступлением 30.3.1914 Мандельштама «Несколько слов о гражданской поэзии», хорошо известен, чего нельзя сказать о содержании его сообщения. Впечатления Недоброво от услышанного один из присутствовавших передал так: «Недоброво очень интересно выступал по поводу доклада Йоссея Мандельштама “О гражданской поэзии”. Я давно не получал такого удовольствия. С помощью блестящих парадоксов и с большой эрудицией Недоброво доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она — консервативного направления»⁶⁷. Позднее Ахматова передала своему собеседнику частную оценку прозвучавшего: «После доклада мы с Николаем Владимировичем Недоброво (...) поехали на извозчике на вокзал. Дорогой Не-

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 1246. Оп. 3. Ед. хр. 119. Л. 69 об.; цит. по: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 67–68. Попытка реконструкции историко-литературного, в том числе и «цехового» контекста этого эпизода содержится в публикации: Шиндин С. Мария Моравская. Из «теневого окружения» Мандельштама // Новый Журнал. 2020. Кн. 299 (URL: <https://newreviewinc.com/sergey-shindin>), — а также в статье, размещенной в настоящем издании.

⁶⁶ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 71.

⁶⁷ Цит. по: Тименчик Р. Д. Н. В. Н. // Шестые Тьяньновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 83. Отсутствующий в данной публикации точный архивный «адрес» процитированного документа (ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 336. Л. 2–2 об.), тем не менее, со ссылкой на нее парадоксальным образом указан в: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 77. И там же дано неверное библиографическое описание этого первоисточника: «Тименчик Р. Д. Из поздней переписки Н. В. Недоброво // Шестые тьяньновские [sic. — С. Ш.] чтения. Рига; М., 1992. С. 83», — тогда как в реальности фрагмент письма Кондратьева воспроизведен в размещенной там же заметке «Н. В. Н.» и именно на странице 83, а указанная публикация располагается на страницах 150–152. Кроме того, в «повторной» цитате обнаруживается ошибка в передаче «имени» Мандельштама — «Йоссель» вместо присутствующего в источнике «Йоссея».

доброво произнес: “Бог знает что за доклад! Во-первых, он путает причастия с деепричастиями. А во-вторых, он сказал: ‘Все двенадцать муз’, — их все-таки девять”⁶⁸. 22.4.1914 состоялось выступление Лисенкова об акмеизме⁶⁹, в прениях о котором, в частности, участвовал Гумилев⁷⁰.

Осенью 1913 года, после «долгого, в целый сезон, перерыва, связанного с неоправдавшимся ожиданием, чтобы вернулся в Петербург главный руководитель общества Вячеслав Иванов, “Академия стиха” возобновила свои заседания, по-прежнему — в помещении редакции “Аполлона”». При этом в ОРХС произошли некоторые организационные изменения, прямо коснувшиеся Недоброво и опосредованно — Мандельштама: «На втором заседании, 30 ноября, были, согласно повестке, произведены дополнительные выборы в совет общества (...). К прежнему составу доизбранными оказались: Н. Гумилев, Н. В. Недоброво и Валериан Чудовский»⁷¹.

⁶⁸ Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой: Из книги «Конец первой половины XX века». С. 84. В «трудах и днях» Мандельштама данный фрагмент определен как «замечания Недоброво по докладу в пересказе Ахматовой» (см.: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 77). Думается, что подобную реплику о формальных и фактографических деталях прозвучавшего на заседании трудно назвать замечаниями обо всем мандельштамовском выступлении, прежде всего требующими обращения к его содержательному строю.

⁶⁹ См.: Тименчик Р. Комментарии. С. 346.

⁷⁰ См.: Степанов Е. Поэт на войне: Николай Гумилев. 1914–1918. М., 2014. С. 32.

⁷¹ Z. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1914. № 1–2. С. 135, стб. 1. (Хроникальные обзоры под этой литерой в «Аполлоне» о событиях, происходивших в ОРХС, выходят под тем же «заголовком», что предварявшие их публикации Недоброво, а затем сменяются заметками, в которых его авторство, очевидно, скрыто за именем «Litotes» (хотя прямо этот факт, кажется, нигде не отмечен, ср., напр.: Указатель имен // Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 835, стб. 1; Именной указатель // Дмитриев П. В. Литературно-художественный ежемесячник «Аполлон» (1909–1918): Очерки истории и эстетики. СПб., 2018. С. 533, стб. 2). С учетом определенных текстуальных параллелей между всеми тремя группами этих текстов представляется допустимым предположить, что и за первым «иноязычным» псевдонимом (ориентированным на последнюю букву латинского алфавита, тогда как следующий — «Litotes» — на «минимализирующий» прием литоты) также скрывался Недоброво. Позднее под тем же заглавием вновь выходили обзоры, подписанные его именем.) Об этом событии Недоброво вскользь сообщил в письме Борису Анрепу, упомянув «возродившееся недавно “Общество Ревнителей”, в состав совета которого я на днях избран» (Струве Г. П. [Коммент. к публ.] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу. С. 460), — но в публикации оно датировано 16.11.1913. Если в данном случае не произошло совмещение датировки по старому и новому стилю, то речь

На этих первых собраниях нового сезона (9 и 30 ноября и 8 декабря) «(...)присутствовавшие поэты (Анна Ахматова, Н. Гумилев, гр. Вас. Комаровский, Валентин Кривич, А. Скалдин, О. Мандельштам, Ал. Вир и др.) читали свои стихи, которые подвергнуты были обсуждению»⁷². Здесь же следует сказать, что непосредственно в данный период, 7.12.1913, оба поэта побывали «(...)на лекции В. Пяста “Поэзия вне групп” в Тенишевском зале»⁷³. Своей откровенно про-акмеистической направленностью лекция вызвала самый широкий общественный резонанс: «(...)наиболее неожиданным для современников и действительно ценным в выступлении оказывается мнение автора об акмеизме. Вопреки общей тенденции символистского лагеря, поддержавшего футуристов, В. Пяст сделал основную ставку именно на акмеистов, в частности, на Ахматову и Мандельштама. (...) Симпатии Пяста по отношению к акмеистам были замечены окружающими»⁷⁴. Один из присутствовавших на выступлении оставил об этом событии такую дневниковую запись: «На лекции заметил Недоброво с женой, В. Гиппиуса, М. Долинова, Грека, Чеботаревскую, Маяковского, Вира и других. (...) После лекции все поэты пошли на диспут в “Бродячую собаку”»⁷⁵. Там же поэты могли встречаться регулярно; если для Мандельшта-

---

может идти о первом заседании, состоявшемся 9.11.1913, и о хронологической ошибке хроникера «Аполлона». — В единственном на сегодняшний день энциклопедическом описании биографии Недоброво, в частности, говорится: «В 1910–1916 годах (...) принимал активное участие в деятельности общества и как докладчик, и как оппонент (...), позднее вошел в президиум и “великолепно заменял Вячеслава Иванова в дни его отсутствия или его докладов” (Пяст В. Встречи. М., 1997. С. 188)» (Кравцова И. Г., Постоутенко К. Ю. Недоброво Н. В. С. 261, стб. 3). Кроме того, что определить в процитированном фрагменте время упоминаемого события невозможно, на указанной авторами публикации странице воспоминаний Пяста приведенная характеристика Недоброво отсутствует; в реальности она содержится на странице 130.

⁷² Z. Общество ревнителей художественного слова. С. 135, стб. 1.

⁷³ Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 68. Подробнее об этом ярком эпизоде литературной жизни середины 1910-х годов идет речь в публикации: Гиппиус В. В. Ничтожные слова о ничтожных делах / Предисл., подгот. текста и примеч. А. Меца // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова. М., 2009.

⁷⁴ Чабан А. Н. Гумилев и В. Пяст на пути к преодолению символизма // Русская филология. 24: Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2013. С. 113–114 [Эл. изд.]. Вряд ли Недоброво, в своем филологическом и литературном творчестве целиком ориентированный на символистскую традицию, мог легко согласиться с главными положениями выступления Пяста.

⁷⁵ Цит. по: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 69.

ма привязанность к этому артистическому кабаре хорошо известна, то касательно его современника существует свидетельство о том, что «Недоброво (...) не гнушался посещать и “Собаку”, в которой были непринужденные “филиалы” всех трех существующих обществ уже в ночные часы»⁷⁶.

Следующее заседание ОРХС, участие в котором принимали оба литератора, прошло 12.12.1915 и «в первой части своей было посвящено (под председательством Н. В. Недоброво) собеседованию по общей теории стихосложения»; при этом председательствующий обратился к присутствующим со вступительным и заключительным словом. «Вторая часть вечера была, по обычаю “Академии Стиха”, отдана слушанию (...) стихов. Свои произведения читали Вячеслав Иванов, Федор Сологуб, Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский, Владимир Пяст»⁷⁷. Вскоре после этого, 20.12.1915, на дружеском собрании некоторых участников «Цеха поэтов» «(...) писался сонет на заданные рифмы: “Федор Сологуб”, “Вячеслав Иванов”, “Иосиф Мандельштам”, “Гумилев”. (...) Темой было прошедшее 12 декабря заседание Общества ревнителей художественного слова, первая часть которого была посвящена “собеседованию” по общей теории стихосложения (под председательством Н. В. Недоброво)»⁷⁸. 28.1.1916 в ОРХС «(...) был заслушан обширный и обстоятельный доклад Б. В. Томашевского о стихосложении пушкинских “Песен западных славян” (...). — В последовавших затем прениях Н. В. Недоброво применил к разбираемым “Песням” свою, отчасти уже им изложенную, отчасти ныне разрабатываемую теорию о силлабо-тонической природе русского стиха; он считает, что в стихи “Песен” входят силлабические отрезки. Основной заботой Пушкина он признает соблюдение постоянно разнообразия в ритме, почему поэт, как высчитал докладчик, и из-

---

⁷⁶ Пяст Вл. Встречи. С. 144. Мемуарист подразумевает ОРХС, Общество поэтов, и «Цех поэтов». Как отмечает комментатор (с. 341), данному утверждению противоречит ахматовское свидетельство 1960-х годов (впрочем, не представляющее бесспорным), согласно которому Недоброво «(...) никогда не бывал в “Бродячей собаке” и уговаривал А. А. не ходить туда» (Будыко М. И. Рассказы Ахматовой // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л., 1990. С. 492).

⁷⁷ *Litotes*. Общество ревнителей художественного слова // Аполлон. 1916. № 2. С. 55.

⁷⁸ Мец А. Г. «Транхопс» и около (по архиву М. Л. Лозинского). Часть III / Публ. И. В. Платоновой-Лозинской, сопровод. текст, подгот. и примеч. А. Г. Меца // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 41. С. 135.

бегают столь тщательно повторения подряд одинаковых строк»⁷⁹. К этому же собранию относится дневниковая запись Лукницкого за 22.12.1926, содержащая свидетельство Ахматовой о мандельштамовском выступлении на нем: «Январь 1916. АА присутствовала в Обществе ревнителей художественного слова в тот день, когда Н. Гумилев, О. Мандельштам, М. Лозинский и другие читали там свои стихи, а Б. Томашевский — доклад о стихосложении пушкинских “Песен западных славян”»⁸⁰. На заседании 19.3.1916 «Н. Гумилев читал новое свое драматическое произведение “Дитя Аллаха”». Н. В. Недоброво подверг разбору построение действия, В. Н. Соловьев — постановочную сторону, Валериан Чудовской — лирические достоинства пьесы, Сергей Городецкий — ее идейную сторону. Затем возник незаконченный за поздним временем спор по стилизационной эстетике, вызванный упреком автору со стороны В. К. Шилейко в том, что он не выявил в своей драме никакого достаточно определенного во времени и пространстве момента магометанской культуры, наоборот, смешал хронологические и этнографические данные. В защиту свободы творчества от точной науки выступили М. Лозинский и В. Чудовской»⁸¹. Трудно предположить, чтобы Мандельштам не присутствовал на этом собрании, если в это время он находился в Петрограде: «Начиная с 1916 года жизнь О. Э. Мандельштама теснейшим образом была связана с Москвой. Первые приезды О. Э. Мандельштама в Москву относятся к периоду конца января — начала июня 1916 года и связаны с М. И. Цветаевой»⁸². Также маловероятным кажется его отсутствие на следующем заседании 24.3.1916, когда «В. К. Шилейко прочитал свой перевод “Хождения Иштар”, предпослав чтению вступительный доклад»⁸³. Данный факт представляется тем примечательнее, что

⁷⁹ *Litotes*. Общество ревнителей художественного слова. С. 55–56.

⁸⁰ *Лукницкий П. Н. Асумiana: Встречи с Анной Ахматовой. Том II: 1926–1927.* С. 229.

⁸¹ *Litotes*. Общества и собрания // *Аполлон*. 1916. № 4–5. С. 86, стб. 2. Там же (с. 87, стб. 1), в заключительной части публикации, содержится следующая информация: «Несколько лиц (С. С. Лукьянов, В. Н. Недоброво, А. Д. и С. Э. Радловы, В. А. Чудовский основали общество для всестороннего изучения риторики как искусства». Какое именно объединение подразумевает хроникер и какова была дальнейшая судьба этого начинания установить не удалось.

⁸² *Видгоф А. М., Нерлер П. М.* Москва // *Мандельштамовская энциклопедия* : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. С. 345, стб. 2.

⁸³ *Litotes*. Общества и собрания. С. 86, стб. 2. Текст перевода Шилейко предполагался к публикации в «Аполлоне» (1917. № 8–10. С. 80–89), но она не состоя-

именно он во многом мог послужить если не стимулом, то основанием для обращения в позднейшем Гумилева к переводу шумерско-аххадского эпоса «Гильгамеш» в его более поздних вариантах, предпринятого им в 1918 году. Во введении к его первому и единственному изданию Шилейко, в частности, отмечал: «Миф о Гильгамеше идет из Урука, вместе с одним из цикла божественных мифов, — так называемым “Хождением Иштар”»; оба сказания подразумевают шумерийские подлинники, счастливым образом сохранившиеся для второй из этих поэм»⁸⁴. Вновь стиховедческая проблематика стала темой заседания 5.4.1916, которое было посвящено «(...) вопросу о применении в русском стихосложении античных метров. (...) Прения несколько неожиданно приняли односторонний характер: почти все ораторы, а именно Сергей Маковский, Н. В. Неодобров, Б. В. Томашевский, Валериан Чудовский и В. К. Шилейко реши-

---

лась; см.: *Емельянов В. В.* Примечания // Ассиро-вавилонский эпос / Пер. с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. Изд. подгот. В. В. Емельянов. СПб., 2007. С. 591. Новый вариант перевода появился в печати позднее в периодическом издании «Всемирной литературы»: Из поэзии Вавилона: Молитва. Сошествие Иштар / Пер. и вст. ст. проф. В. К. Шилейко // Восток: Журнал литературы, науки и искусства [Петроград]. 1922. Кн. I. С. 7–14. Более ранний вариант был опубликован сравнительно недавно: Хождение Иштар // Ассиро-вавилонский эпос / Пер. с шумерского и аккадского языков В. К. Шилейко. Изд. подгот. В. В. Емельянов. СПб., 2007. Краткая, но емкая реплика о достижениях Шилейко-ассиролога принадлежит Вяч. Вс. Иванову: Новое рождение Гильгамеша // *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 3: Сравнительное литературоведение. Всемирная литература. Стиховедение. М., 2004. С. 242–244. О месте этого перевода в творческой биографии Гумилева идет речь в публикации: *Дубовцев А. Н.* Николай Гумилев — читатель «Эпоса о Гильгамеше» // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. № 4. — В данной связи необходимо учитывать, что образ аккадской богини в художественно переосмысленной форме занимал заметное место в мифологическом пантеоне русского символизма и, в частности, нашел свое отражение в творчестве Брюсова, Бунина и, особенно, Кондратьева; см.: *Емельянов В.* Богиня Иштар в русской поэзии начала XX века // Девятая международная Летняя школа по русской литературе: Статьи и материалы. Цвелодубово Ленинградской области, 2013. С. 45–60. В свою очередь, прямой параллелью этому мифу может выступать актуальный для поэзии Мандельштама сюжет о нисхождении в загробный мир Психеи, переданный Апулеем, версия которого несет в себе «(...) явно фольклорные и мифологические истоки, до него, однако, литературно не зафиксированные» (*Лосев А. Ф.* Психея // Мифы народов мира / 2-е изд., электр. М., 2008. С. 836, стб. 3). В свою очередь, близкая модель становится сюжетной основой еще более ценностно значимого для Мандельштама произведения — «Божественной комедии» Данте.

⁸⁴ Шилейко В. Введение // Гильгамеш: Вавилонский эпос / Пер. Н. Гумилева, введ. В. Шилейко. СПб., 1919. С. 14.

тельно ополчились против античных метров, доказывая стеснительность их, эстетическую неоправданность и даже принципиальную невозможность в условиях русского языка»⁸⁵.

На этот же период приходится совместное участие обоих поэтов в коллективном стихотворном сборнике «Альманах муз», увидевшем свет в 1916 году в петроградском издательстве «Фелана», функционировавшем в 1916–1918 годах. «В числе учредителей были С. Гедройц, Е. Г. Лисенков, К. Ю. Ляндау и В. С. Чернявский»⁸⁶. Указание на составителей и редакторов в издании отсутствует, однако современный историк литературы утверждает: «Подготовлен и выпущен Е. Г. Лисенковым при ближайшем участии Н. В. Недоброво»⁸⁷. Согласно другому (также не фактографированному) сообщению, при издательстве существовал кружок, в число участников которого входил и Мандельштам; как следствие: «В состав авторов первого и последнего сборника “Феланы” “Альманах муз” (Пг., 1916) вошли, кроме учредителей, также участники кружка — Г. В. Иванов, Р. Ивнев, М. А. Кузмин, О. Э. Мандельштам, М. А. Струве»⁸⁸. Таким образом, три опубликованных мандельштамовских текста («От легкой жизни мы сошли с ума...», «В разноголосице девического хора...» и «На розвальнях, уложенных соломой...») непосредственно соседствуют в книге с пятью стихотворениями Недоброво («Ты помнишь камни над гладью моря?..», «С тобой в разлуке от твоих стихов...», «Демерджи» («Не бойся; подойди; дай руку; стань у края...»), «Хочу тебя из сердца вынуть...» и «Заяц» («На лыжах пробираясь между елей...»))⁸⁹. На появление альманаха Ман-

⁸⁵ *Litotes*. Общества и собрания. С. 86.

⁸⁶ Шруба М. Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов» // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 507.

⁸⁷ Калмыкова В. В. «Альманах муз» // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. С. 69, стб. 2.

⁸⁸ Шруба М. Дополнения к словарю «Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов». С. 507.

⁸⁹ См.: Альманах муз. — Пг., 1916. С. 109–121. — Внимание к такого рода сопоставлениям мотивировано не столько стремлением к обозначению отдельных «типологических» черт в историко-литературной части биографии Мандельштама и его современников, сколько большей степенью вероятности знакомства поэта с конкретными художественными произведениями своих соседей по разному роду периодическим и разовым изданиям. Подобную информацию, разумеется, не следует относить к разряду актуальной, однако она хотя и периферийно, но также способствуют формированию исследовательского и чита-

дельштам откликнулся неопубликованной заметкой «О современной поэзии» (1916), во вступлении к которой задался целью ответить на вопрос «(...) что такое “прогресс” в поэзии»: «Никакого “высокого уровня” у современников в сравнении с прошлым нет. Большинство стихов и теперь просто плохи, как были плохи всегда большинство стихов. Плохие стихи имеют свою преемственность, — если хотите, они совершенствуются, поспешая за хорошими, своеобразно перерабатывая и искажая их. Теперь пишут плохо по-новому — вот и вся разница!»⁹⁰. Самому изданию он дал соответствующую характеристику: «“Альманах Муз” составлен крайне разнообразно: в нем представлены многочисленные разновидности плохих и хороших стихов; ни о каком среднем уровне и говорить не приходится, так как некоторым участникам сборника как до звезды небесной далеко до других»⁹¹. Среди упоминаемых далее авторов Недоброво остался не назван⁹².

тельского представления о том, что соответствует опозовскому определению «литературного быта»: трудно представить себе автора, требовательно относящегося к своему поэтическому творчеству и совершенно равнодушному к тому контексту, в котором публикуются его произведения.

⁹⁰ Воспроизведение этого фрагмента в последнем издании несколько отличается синтаксически: *Мандельштам О.* Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 2: проза / Сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Меца, коммент. Ф. Лоэста, А. А. Добрицина, П. М. Нерлера и др. М., 2010. С. 42.

⁹¹ *Мандельштам О.* О современной поэзии (К выходу «Альманаха муз») // *Мандельштам О.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: стихи и проза. 1906–1921. С. 206

⁹² Некоторые возможные глубоко редуцированные литературные и фактические корреляции этого издания с творчеством и биографией двух современников рассматриваются далее. — Еще одним случаем «типологической близости», находящимся уже в сфере художественного творчества, можно считать почти одновременное обращение поэтов в этот период к ветхозаветному сюжету о Юдифи и Олоферне. Довольно широко отраженный в русской литературе (см.: *Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание / 2-е изд., стер.* — Новосибирск, 2006. Вып. 1. С. 77–78; ср. лаконичную заметку самого общего характера: *Козаногин С. В.* Рецепция книги «Иудифь» в русской литературе XIX — начала XX в. // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки.* 2010. № 2 (46); в более широком контексте о мотиве декапитации см.: *Шиндин С. Г.* Об одном мотиве в русской поэзии начала XX века // *Литературный процесс и развитие мировой культуры: Материалы и тезисы конференции.* — Таллинн, 1994), он отозвался, в частности, в поэме Недоброво 1912 года «Юдифь» (см.: *Орлова Е.* Юдифь или Олоферн? (Трагедия Н. В. Недоброво «Юдифь» и русская поэтическая «юдифиана») // *Вопросы литературы.* 1999. № 6; расширенный вариант — в монографии: *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. С. 56–84) и в стихотворении Мандельштама 1913 года «Футбол» («Телохранитель был отравлен...»); см.: *Шиндин С. Г.* «Акмеистиче-

Еще один гипотетический случай пересечения биографий Мандельштама и Недоброво связан с летом 1917 года, которое оба, видимо, провели в Крыму и могли одновременно находиться в Алуште, вероятно, в так называемом «Профессорском уголке» на даче Елизаветы Магденко — первой жены Александра Смирнова. По сути, единственным прямым мемуарным указанием на это является обтекаемое свидетельство Ахматовой, оставленное в записных книжках, очевидно, 7.9.1964: «О. М<андельштам> жил в Крыму <в> 1916–17 г. не только в Коктебеле, но и в Алуште у Магденко. Там в это время были Мочульский, Недоброво, Смирнов, бр<атя> Радловы, Жирмунский (1916–17 гг.), Саломея с Рафаловичем, Чудовские»⁹³. Цитируемое и, как правило, не комментируемое, оно в качестве безусловного фактического обоснования долгое время повторялось из публикации в публикацию⁹⁴. Вряд ли подобного рода констатирующее утверждение может считаться безусловным подтверждением, тем более что мемуа-

---

ский» фрагмент художественного мира Мандельштама: метатекстуальный аспект // Russian Literature. 1997. Vol. XLII. № 2. С. 219–222, 243–247; Гутри-на Л. «Футбол» и «Второй футбол» — первая «двойчатка» Осипа Мандельштама // Миры О. Мандельштама: IV Мандельштамовские чтения: Материалы международного научного семинара, 31 мая — 4 июня 2009 г. Пермь — Чердынь. Пермь, 2009. С. 203–206.

⁹³ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой. — М.; Torino, 1996. С. 554.

⁹⁴ См., напр.: *Меньшова И. А.* Комментарии // *Судейкина В. А.* Дневник: 1917–1919 (Петроград — Крым — Тифлис) / Подгот. текста и коммент. И. А. Меньшовой. М., 2006. С. 469–470. Вероятно, именно «удвоенный» Ахматовой факт пребывания Мандельштама в «Профессорском уголке» (лето 1916 и 1917 годов) спровоцировал хронологическую ошибку в принадлежащей его вдове датировке стихотворения «Золотистого меда струя из бутылки текала...» и в установлении обстоятельств его написания, отразившейся в ее неотправленном письме Судейкиной осени 1962 года: «Уважаемая Вера Артуровна! Мне помнится, что стихотворение моего покойного мужа — Осипа Эмильевича Мандельштама — “Золотистого меда струя” (сборник “Tristia”) — обращено к вам. Знали ли вы об этом? Не можете ли вы вспомнить, не жили ли вы в Профессорском Уголке под Алуштой в 1916 году на даче каких-то родичей Александра Александровича Смирнова (кельтолога). (...) Я хотела бы уточнить это для комментария к изданию О. М.» (Письма Н. Я. Мандельштам к М. В. Юдиной и В. А. Стравинской / Вст. ст., публ. и коммент. А. М. Кузнецова // Невельский сборник: Статьи и воспоминания. Вып. 2 : К столетию М. В. Юдиной : По материалам Третьих Невельских Бахтинских чтений (1–4 июля 1996 г.). СПб., 1997. С. 50). Согласно точке зрения одного из комментаторов (*Тименчик Р.* Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы. Т. 2 : Сноски и выноски / 2-е изд., испр. и расшир. М., 2014. С. 376), такая датировка представляет собой описку.

ристка, очевидно, свидетельствует с чужих слов (Мандельштама?), хотя в 1916 году сама проживала в Крыму с середины июля до середины декабря, причем весь этот период был связан у нее с личностью Недоброво⁹⁵. Точные сведения касательно данного эпизода его биографии неизвестны, а в ситуации с Мандельштамом, как это нередко бывает, прослеживается некоторая неопределенность. Так, например, Константин Мочульский касательно него оставил упоминание самого общего характера: «Через несколько лет после греческого экзамена мы встретились с ним в “Профессорском уголке”, в Алуште», — которое сопровождал изображением частного эпизода: «Осипу Эмильевичу было поручено купить в Алуште банку какао. На обратном пути в “Профессорский уголок” он сочинял стихи»⁹⁶. Вера Судейкина в мемуарах прямо описала тогдашний визит поэта на дачу к ней и Сергею Судейкину в Алуште и его рассказ так: «И вдруг появился Осип Мандельштам. “Каким образом Вы узнали, что мы живем здесь?” — “Я ведь тоже живу в Алуште. [Смирнов и другие.] Некоторые помещики, у которых дачи здесь, уделили нам место жительства [‘Профессорский уголок’]»⁹⁷.

Совершенно аморфно этот крымский эпизод упомянут в развернутом жизнеописании Мандельштама: «В конце мая 1917 года он, не отступая от уже сложившейся традиции, покинул столицу и уехал в Крым»⁹⁸. В «трудах и днях» поэта его «локализация» в Крыму носит еще более условный характер: сам факт поездки туда вообще не указан, на середину года приходится записи, фиксирующие его пребывание в Петрограде и Москве, а «крымский топос» — Алушта — непосредственно в связи с ним впервые упоминается только в записи о событиях 8.8.1917⁹⁹. В послед-

⁹⁵ См.: Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой / 2-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 115–117. Можно только предполагать, что на отвращение внимания потенциальных читателей от данного обстоятельства и была направлена ахматовская реплика с труднообъяснимым двукратным упоминанием 1916 года.

⁹⁶ Мочульский К. О. Э. Мандельштам / Публ. и примеч. Р. Д. Тименчика // Мандельштам и античность: Сборник статей. М., 1995. С. 8, 9.

⁹⁷ Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919 (Петроград — Крым — Тифлис) / Подгот. текста и коммент. И. А. Меньшовой. М., 2006. С. 392.

⁹⁸ Лекманов О. Осип Мандельштам: ворованный воздух. М., 2015. С. 118.

⁹⁹ В записи говорится: «Вписал стихотворение “В разногласии девического хора...” с пометой “Профессорский Уголок — Алушта” в альбом В. А. Судейкиной» (Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 121). Более обте-

нем по времени лаконичном варианте мандельштамовской биографии с датировкой после 18.5.1917 указано: «Отъезд в Крым (предположительно, в Алушту, на дачу Е. П. Магденко), где, меняя места проживания, оставался до 11 октября»¹⁰⁰. Подробнее и точнее о данном факте было сказано А. Е. Парнисом при попытке восстановить «общую картину жизни поэта в “последнее безмятежное лето” 1917 г., проведенное им в Алуште в кругу петербуржцев. Здесь, “в печальной Тавриде”, в “профессорском уголке” дачи Е. П. Магденко обитали близкие друзья и знакомые поэта: художники С. Судейкин, В. Шухаев, А. М. Зельманова, поэты С. Рафалович, А. Радлова, филологи В. М. Жирмунский, А. Л. Слонимский, А. Смирнов, К. Мочульский, а также адресаты мандельштамовских стихотворений В. А. Шиллинг и С. Н. Андронико-ва»¹⁰¹. Не так давно была конкретизирована и ситуация вокруг

каемо данный факт был указан много ранее другим исследователем, отметившим, в частности, что местом первой публикации мандельштамовского стихотворения был «Альманах муз»: *Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 197–198.* Альманах вышел из печати в сентябре 1916 года, когда Ахматова находилась в Бахчисарае, где, вероятно, виделась с Недоброво (см.: *Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. С. 116*); в сборнике были опубликованы четыре её стихотворения («Ты мне не обещан ни жизнью, ни Богом...», «Под крышей промерзшей пустого жилья...», «Из памяти твоей я выну этот день...» и «Муза ушла по дороге...»; см.: *Альманах муз. С. 21–24*), первое и третье из которых довольно прозрачно связаны с его личностью.

¹⁰⁰ *Нерлер П. М. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 14, стб. 1.* Ранее биограф описал этот период в такой повествовательной форме: «Очень долго — примерно с 20 мая по 10 октября — был в 1917 году в Крыму и Осип Мандельштам. Сначала около месяца он прожил в Алуште (на даче Магденко), затем, 22 июня, переехал в Коктебель, откуда снова вернулся в Алушту в конце июля, но и на этот раз ненадолго, ибо в августе, сентябре и октябре он уже жил в Феодосии» (*Нерлер П. М. Лютик из заросничной страны (Ольга Ваксель) // Нерлер П. Сон атоге: Этюды о Мандельштаме. М. 2014. С. 614*). В постоянно упоминаемом «мандельштамоцентричном» энциклопедическом издании статья об Алуште (впрочем, как и о Крыме) отсутствует. Не нашёл данный эпизод своего отражения и в реконструкции последних лет жизни Недоброво; см.: *Лавров А. В. Н. В. Недоброво. Последние дни в Крыму (По материалам архива М. А. Волошина) // Лавров А. В. Тексты и комментарии: Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб., 2018. С. 171–172.*

¹⁰¹ *Парнис А. Е. Штрихи к футуристическому портрету О. Э. Мандельштама. С. 197.* Ср. в сравнительно недавнем комментарии к «крымскому топосу» поэта: «В августе 1917 года О. Э. Мандельштам гостил в Алуште в Профессорском уголке в дачном пансионе Е. П. Магденко, которая была женой видного петербургского филолога А. А. Смирнова» (*Казарин В. П., Новикова М. А., Криш-*

Недоброво (он, в отличие от Мандельштама, находился в Алуште и летом 1916 года); по словам комментаторов, «(...) с начала июля 1917-го супруги Недоброво (...), вероятно, живут в том же дачном пансионе Е. П. Магденко»¹⁰². Таким образом, общим для двух литераторов биографическим эпизодом стало пребывание в «Профессорском уголке» летом 1917 года, причем в художественном отношении для Мандельштама этот период был отмечен как написанием одного из самых известных стихотворений второй половины 1910-х годов («Золотистого меда струя из бутылки текла...»), так и деятельным участием в коллективном сочинении шуточной пьесы «Кофейня разбитых сердец, или Савонарола в Тавриде», в числе «персонажей» которой, как известно, были выведены многие «герои» того крымского лета, в том числе и сам Мандельштам¹⁰³.

В первой и пока единственной публикации, касающейся пересечения биографий двух современников, автор констатировал: «О личном отношении Недоброво к Мандельштаму можно говорить лишь предположительно», — в подтверждение чего ссылался на точку зрения Р. Д. Тименчика, согласно которой оно «(...) было вряд ли уважительным»,¹⁰⁴ однако приводимые в доказательство этого историко-литературные аргументы даже в малой степени не представляются сколь-нибудь убедительными. В то же время, не известны остаются и противоположные им сведе-

---

тоф Е. Г. Стихотворение О. Э. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (Опыт реального комментария) // Наукові записки Бердянського державного педагогічного університету. 2014. Вип. I: Зарубіжна література та теорія літератури. С. 93 то же в: Знамя. 2012. № 5 (URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=4924>).

¹⁰² Казарин В. П., Новикова М. А. «Не бойся; подойди...» (Установлена и документирована дата смерти Н. В. Недоброво) // Крымский архив: Историко-краеведческий и литературно-философский журнал. 2011–2012. № 13–14. С. 45, стб. 1.

¹⁰³ См.: Кофейня разбитых сердец: Коллективная шуточная пьеса в стихах при участии О. Э. Мандельштама / Публ. Т. Л. Никольской, Р. Д. Тименчика и А. Г. Меца, под общ. ред. Р. Д. Тименчика. Stanford, 1997.

¹⁰⁴ Орлова Е. А. Недоброво Н. В. С. 364, стб. 1. Библиографическое обоснование этого утверждения в цитируемой публикации не указано, отсутствует оно и в ее «препринте» (О. Э. Мандельштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Мандельштамовской энциклопедии. М., 2007. С. 115), и в первоначальном доредакционном варианте «Мандельштамовской энциклопедии» 2008 года. Источником авторского утверждения послужила, очевидно, уже цитированная выше публикация: Тименчик Р. Д. Из поздней переписки Н. В. Недоброво. С. 151, прим. 3.

ния, поскольку, строго говоря, с формальной точки зрения о личном общении этих литераторов нет ни одного фактического свидетельства. Отсутствие каких-либо данных не только об их общении, но и просто о личных контактах вынуждает гипотетически реконструировать характер вполне вероятных взаимоотношений между ними. Косвенным, но довольно надежным ориентиром в этом направлении и достоверным источником может служить оставленное Мандельштамом в альбоме современницы шуточное четверостишие, обращенное к Недоброву: «Что здесь скрипением несносным / Коснулось слуха моего? / Сюда пришел Недоброво — / Несдобровать мохнатым соснам»¹⁰⁵. Как известно, источ-

¹⁰⁵ Мандельштам О. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: стихи и проза. 1906–1921. С. 159. Составители предположительно датируют четверостишие 1913–1914 годами; в первой его публикации дата не указывалась (см.: Мец А. Г. Комментарий // Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. А. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдлин. Л., 1990. С. 286); в самой последней присутствует более обтекаемое «между 1910 и 1914» (см.: Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1: стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Г. Меца. М., 2009. С. 319). — Содержащаяся в эпиграмме совершенно прозрачная анаграмма фамилии адресата — частный случай обращения Мандельштама к подобной технике, к которой он прибегал по отношению к лично знакомым ему близким современникам и, как правило, в шутливой форме; см.: Шиндин С. Г. Анаграмма // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. — С определенными оговорками, неизбежными при реконструкции скрытых анаграмматических моделей в поэтических текстах, кажется допустимым видеть во второй и четвертой строках данного экспромта и глубоко редуцированную фамилию Ахматовой: «(...)Коснулось слуха моего? (...) — / Несдобровать мохнатым соснам». Близкую анаграмму Мандельштам совершенно открыто обыграл в 1934 году в обращенном к ней шутовском восклицании, о чем она вспоминала: «Осип <...> бегал по комнате и кричал: “Как оторвать Ахматову от МХАТ’а?”» (Ахматова А. Листки из дневника. С. 118–119). (В связи с гипотетическим скрытым ахматовским «подтекстом» в этой перспективе любопытным представляется тот факт, что свои соображения об анаграмматической природе псевдонима Ахматовой, кажущиеся далекими от истины, но весьма симптоматичными, оставил в мемуарах Пяст: «Самое слово “акмеизм”, хотя и производилось (...) будто бы от греческого “акмэ” — “острие”, “вершина”, — но было подставлено, подосознательно продиктовано, пожалуй, именно этим псевдонимом-фамилией. “Ахматов” — не латинский ли здесь суффикс, “ат”, “атум”, “атус”... “Ахматус” — это латинское слово, по законам французского языка, превратилось бы именно во французское “Акмэ”, — как “аматус” в “эмс”, во французское имя “aimé”, a armatus в anné» (Пяст Вл. Встречи. С. 110–111).) В случае с адресованным Недоброву «посланием» анаграмматическое соединение фамилий двух поэтов могло быть мотивировано как литературным контекстом, так и биографическими обстоятельствами. — В этой связи интересно отметить тот факт, что приверженцем такой техники был высоко ценимый Мандельштамом и Не-

ником мандельштамовской образности стало стихотворение Фета «Истрепались сосен мохнатые ветви от бури...» (1869 (?)).¹⁰⁶

На экстратекстуальном уровне эпиграмма эксплицирует еще один аспект диалога двух современников, связанный с поэтическим наследием старшего поэта, актуальным для литературной и читательской среды 1910-х годов, причем, согласно характеристике Л. М. Лотман, уже в конце XIX века «Фет был одним из весьма популярных в России поэтов. Популярность его стихов была своеобразна. С одной стороны, творчеством Фета интересовались молодые литераторы, утонченные профессионалы, которые специфически переосмыслили его. С другой стороны, поэзия Фета стала органичной частью художественного сознания весьма широкой публики»¹⁰⁷. Данная ситуация была характерна и для следующих литературных поколений, в первую очередь — 1910-х годов, когда имя и творчество Фета становились все более актуальными¹⁰⁸. [По-

---

доброво Вячеслав Иванов, согласно «дефиниции» В. Н. Топорова, бесспорно являвшийся «(...) одним из наиболее замечательных мастеров анаграмматического искусства» (Топорова В. Н. «Скрытое» имя в русской поэзии // Имя: Семантическая аура. М., 2007. С. 124); там же (с. 124–129) содержится несколько примеров поэтического анаграммирования старшим современником имен собственных. Ср.: Левинтон Г. А. Статьи из энциклопедии [Анаграмма] // Труды факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2001. Вып. 1. С. 258.

¹⁰⁶ См.: Фет А. А. Вечерние огни / Изд. подгот. Д. Д. Благой и М. А. Соколова. М., 1971. С. 46. Уместно будет отметить, что следующая строфа фетовского стихотворения содержит актуальный для поэзии Мандельштама 1910-х годов образ 'маятника': «Никого! ничего! Даже сна нет в постели холодной, / Только маятник грубо-насмешливо меряет время».

¹⁰⁷ Лотман Л. М. К вопросу об адаптации поэзии Фета художественным сознанием конца XIX — начала XX в. // Классическое наследие и современность. Л., 1981. С. 181. В подтверждение сказанному автор приводит различные по своей природе (хотя и не всегда конкретные и безусловно бесспорные) многочисленные примеры из творчества представителей самых разных направлений: Ивана Сурикова, Максима Горького, Владимира Короленко, Антона Чехова, Александра Блока, Сергея Есенина и др. Особое внимание автор уделяет ахматовскому художественному диалогу с предшественником.

¹⁰⁸ См.: Алексеева О. Я. Рецепция лирики А. А. Фета в творчестве русских символистов: В. Я. Брюсов, А. А. Блок, Андрей Белый / Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003 (URL: <http://www.dslib.net/russkaja-literatura/recepcija-liriki-a-a-feta-v-tvorcestve-russkih-simvolistov.html>); Стивак М. Фетовские реминисценции в цикле А. Блока «Снежная Маска» (1907) // Блоковский сборник. Вып. XVIII : Россия и Эстония в XX веке: Диалог культур. Тарту, 2010; Кошеливская Ю. В. «Новый Фет» русского зарубежья (традиции А. Фета в поэзии Г. Иванова) // Східнослов'янська філологія: Збірник наукових праць. Вып. 22 : Літературознавство. Горлівка, 2013; Сарычева К. А. А. Фет в оценке В. Я. Брю-

добная тенденция, очевидно, сохранялась в 1920-х годах, одним из частных, но показательных примеров чего может служить парадоксальное появление имени Фета в увидевшем свет в 1921 году первом сборнике стихотворений новообразованного Всероссийского союза поэтов. Это издание было организовано по групповому признаку, и в нем присутствовали символисты, футуристы, имажинисты, «неоклассики» и др. (в некоторых случаях — с совершенно непонятной мотивацией, как, например, выступающий от имени акмеистов ничевок Олег Эрберг¹⁰⁹), а завершает книгу

сова (1890 — первая половина 1900-х гг.) // Русская филология. 24. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту, 2013 [эл. изд.]; Козубовская Г. П. Анна Ахматова и Афанасий Фет: текстологические заметки // Культура и текст. 2017. № 4 (31); Тименчик Р. Из Именного указателя к «Разговорам» Ахматовой // *Intermezzo festoso. Liber amicorum in honorem Lea Pild.* Историко-филологический сборник в честь доцента кафедры русской литературы Тартуского университета Леа Пильд. Тарту, 2019 [эл. изд.] и др.

¹⁰⁹ Год спустя в своеобразном сборнике-отчёте поэтов-ничевоков — более чем специфического литературно-общественного объединения «революционных дадаистов» — в разделе «Дела российского становивца ничевоков (Архив)» было опубликовано заявление поэта Олега Эрберга (датированное 1.5.1921), где он дал происшедшему такое бескомпромиссное объяснение: «С грустью извещаю всех ничевоков и читателей “СОПО”, что я, поместивший в означенном сборнике стихи, отнесенные премированно-компетентным президиумом В. С. П. к существующей так называемой школе “акмеистов” без моего ведома и на то согласия, решительно никогда никаких дел с петербургской бакалейной лавочкой под фирмой “Акмеисты, сыновья и К-о” не имею и вообще считаю, что акмеисты — сволочь» (*Эрберг О. Заявление // Собачий ящик или Труды творческого бюро ничевоков в течение 1920–1921 гг. Вып. I. М., 1922. С. 13.* Год издания, указанный на обложке, отличается — «1921»; текст воспроизводится в соответствии с современными нормами правописания). Следующий выпуск «сборника-бюллетеня» открывало стихотворение предстательствующего за акмеизм Мандельштама «Сестры, тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы ...»: Союз поэтов. Второй сборник стихов. М., 1922. Примерно тогда же под шапкой Пушкинского Дома Российской Академии наук увидела свет историко-литературная биография Фета, носящая явно стимулирующий культурологический характер: Блок Г. П. Рождение поэта: Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. М., 1924. Это издание оказалось странным образом проигнорировано при «энциклопедическом» рассмотрении следов поэзии Фета в художественном мире Мандельштама, хотя в форме простой констатации были названы поздние воспоминания старшего поэта; см.: Калмыкова В. В. Фет А. А. // Мандельштамовская энциклопедия: в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М, 2017. С. 491, стб. 1. При упоминании вторых из них («Ранние годы моей жизни») в датировку вкралась досадная опечатка — «1993». — Как уже приходилось неоднократно отмечать, катастрофическая ситуация с библиографическими описаниями является одной из главных «характерологических» черт «Мандельштамовской энциклопедии». В частно-

сти, в той же статье о Фете (с. 493, стб. 1) место выхода в свет в 1981 году в ленинградском отделении издательства «Наука» цитированного выше сборника статей «Классическое наследие и современность» было перенесено в Москву. — Формы, способы и мотивации редакторского произвола и авторского новаторства в библиографической сфере при реализации данного проекта оказались весьма разнообразны. Так, например, в статье, посвящённой мандельштамовскому диалогу с Достоевским, отмечается, что «(...) неточности вообще характерны для Мандельштама и, в частности, нередки при его обращениях к творчеству Достоевского», после чего следует ряд соответствующих примеров, среди которых содержится упоминание «капитана Лебядкина из “Идиота”». И объяснить такой факт простой опечаткой или опиской невозможно, поскольку на следующей странице многострадальный капитан Лебядкин вновь оказывается прикомандирован к своей тачке острожной — роману Достоевского «Идиот», но уже в тени Мандельштама (и при полном попустительстве как главных редакторов «Мандельштамовской энциклопедии», так и многочисленных благоприобретенных членов ее редколлегии, во всем оставшихся в невинном неведении неопитов): «Уподобляя стихи Н. А. Заболоцкого сочинениям капитана Лебядкина из “Идиота”, Мандельштам отказывает этим стихам в каких-либо достоинствах» (*Сошкин Е. Г.* Достоевский Ф. М. // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. С. 233, стб. 1; с. 234, стб. 2). При этом из приведенной цитаты остаётся неясным, поэтической практике какого из двух коллег Мандельштамом дана столь уничижительная оценка. — В статье обнаруживается и ещё одна опосредованная библиографическая оплошность (с. 233, стб. 1), когда автор сообщает: «При анализе стихотворения Мандельштама “1 января 1924” (1924) Ронен обращается к тексту “Идиота” и полемизирует с Дж. Бэйнс, возводящей паука из этого стихотворения к пауку, который снился Свидригайлову в “Преступлении и наказании”»; речь идет о публикациях, ссылки на которые традиционно были исключены из авторского текста статьи первым главным редактором полиграфического варианта энциклопедии: *Ronen O.* An Approach to Mandelstam. Jerusalem, 1983. P. 290; *Baines J.* Mandelstam: The Later Poetry. Cambridge, 1976. P. 44–45. Но здесь необходимо отметить, что источники и причины формирования этой довольно широко распространённой в сфере изучения русской литературы легендарной версии такого сна героя «Преступления и наказания» остаются неизвестными, как и пути ее проникновения в современное мандельштамоведение. В тексте Достоевского образы ‘пауков’ появляются в первой подглавке четвертой части в эпизоде разговора Раскольников с пришедшим к нему на квартиру Свидригайловым, который, в частности, делится своими сомнениями: «Нам вот всё представляется вечность как идея, которую понять нельзя, что-то огромное, огромное! Да почему же непременно огромное? И вдруг, вместо всего этого, представьте себе, будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность. Мне, знаете, в этом роде иногда мерещится» (*Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. 6 : Преступление и наказание / Подгот. текста Л. Д. Опульской. Л., 1973. С. 221). (Строго говоря, включение в данный контекст пресловутой ‘баньки’ в качестве самостоятельного семантического элемента тоже неправомерно: этот образ выступает лишь как объект сравнения для ‘комнатки’.) Описываемы в финале шестой подглавки шестой части романа известный «послед-

публикация Фета — единственного в ней автора предшествующего века, в статусе «классика» представленного шуточным стихотворением «Амур — начальник Гименея...» (1873)¹¹⁰.] Интерес Недоброво к поэзии Фета нашел отражение в его статье, появившейся в печати в 1910 году¹¹¹. Согласно точке зрения современного исследователя, в литературно-историческом контексте эпохи эта публикация «(...) ставит в связи с Фетом несколько новых для своего времени проблем. Это, во-первых, проблема “единства личности автора” (как ее формулирует критик). Во-вторых, через отношение Фета к проблеме времени Недоброво выходит не только к мирозерцанию Фета, но и к философскому осмыслению времени»¹¹². В биографии и творчестве Манделъштама столь явно односторонняя оценка художественного опыта старшего поэта не прослеживается.¹¹³

ний сон» Свидригайлова, который он видит накануне самоубийства, построен многопланово и больше напоминает галлюциноз (или галлюцинаторный синдром), но упоминаемый Е. Г. Сошкиным со ссылкой на Дж. Бэйнс «персонаж» там не фигурирует. Вместе с тем в поэтическом мире Манделъштама, причем нередко — в самых актуальных контекстах, присутствует образ ‘паука’ (в частности, в «Грифельной оде» и ее вариантах) и связанная с ним символика (прежде всего — образ ‘паутины’), но и эти семантические элементы не обнаруживают никакой прямой или опосредованной связи с художественным наследием Достоевского. — Показательным представляется тот факт, что, например, в настоящем издании в публикации современного исследователя, не зависящего от ложных стереотипов интерпретации творчества Достоевского и Манделъштама (Э. В. Пасько. «А. Н. Толстой и йога в творческом сознании А. Белого и Вяч. Иванова»), пауки, обитающие в бане, появляются в реплике Свидригайлова, а не в его сне, о котором речь вообще не ведется.

¹¹⁰ См.: СОПО : Первый сборник стихов. РСФСР [М.], Четвертый год первого века [1921]. С. 30.

¹¹¹ См.: *Недоброво Н.* Времеборец (Фет) // Вестник Европы. 1910. № 4; текст воспроизведен в издании: *Недоброво Н.* Милый голос : избранные произведения / Сост., примеч. и послеслов. М. Кралина. Томск, 2001.

¹¹² *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. С. 134.

¹¹³ Краткая характеристика «фетовского топоса» у Манделъштама содержится в публикации: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Разговорам» Ахматовой. С. 225–227. Более обстоятельные, подчас революционные, но менее содержательные, а временами и просто неправдоподобные соображения на данную тему представлены во включенной в «Манделъштамовскую энциклопедию» статье, где развернутая вступительная часть о приверженце «чистого искусства» завершается следующим постулатом: «(...) характерное для реализма доверие к возможности и достижениям разума чуждо поэту, несмотря на его человеческий интерес к достижениям и открытиям разума и науки (...). Наиболее творческими становятся для него состояния неясного сознания, позволяющие проникнуться ощущением целостности мира». А далее сообщается, что

Более эксплицитным случаем проявления симпатии Мандельштама к Недоброву является уникальное для него (как и для художественного текста вообще) авторское примечание в мемуарной прозе «Шум времени» (1923–1924): «Язвительно-вежливый петербуржец, говорун поздних символических салонов, непроницаемый, как молодой чиновник, хранящий государственную тайну, Недоброво появлялся всюду читать Тютчева, как бы представлять за него. Речь его, и без того чрезмерно ясная, с широко открытыми гласными, как бы записанная на серебряных пластинках, прояснялась на удивление, когда доходило до Тютчева, особенно до альпийских стихов: “А который год белеет” и — “А заря и ныне сеет”. Тогда начинался настоящий разлив открытых “а”: казалось, щец только что прополоскал горло холодной альпийской водой»¹¹⁴. Данная характеристика может быть прокомментирована в нескольких аспектах. Во-первых, именование ее адресата «молодым чиновником» имеет под собой реальное основание: «Недоброво по окончании университета поступил — по-видимому, не без содействия отца Анрепа (который в 1907 г. был избран в Государственную Думу) — в канцелярию Думы»¹¹⁵. Во-вто-

---

выход из такой коллизии находит младший современник: «Воспринимая отдельные особенности поэтики Фета (...), Мандельштам в собственном творчестве снимает противоречие иррационального и рационального, романтизма и реализма». Возможно, непосредственно вследствие этого, согласно мнению автора, ««Манделштам и Фет близки и по типу творчества. Построение собственного поэтического мифа, при всей его важности, у обоих отходило на задний план перед другой задачей — прочитать смысл мира посредством поэтического творчества, используя для этого ресурсы мифопоэтики. Благодаря такому прочтению поэт находит себе место в мироздании, в Космосе, средствами поэзии восстанавливая утраченную человечеством органическую связь с природой. Отсюда — тенденция к мифологизации ключевых поэтических образов». Не останавливаясь на содержащемся в статье обильном перечне проявлений активного интертекстуального диалога Манделштама с Фетом, необходимо отметить, что не менее любопытными представляются указываемые автором случаи формальной зависимости младшего стихотворца от старшего, например, такой: «С апреля 1912 года в поэзии Манделштама появился ряд стихотворений, написанных ямбом, — одним из любимых размеров Фета. Характер рифмовки в некоторых из них (женская рифма -атой или, как вариант, — аты) также связан с рифмовкой Фета» (Калмыкова В. В. Фет А. А. С. 490, стб. 1; с. 491, стб. 1; с. 492, стб. 1).

¹¹⁴ Манделштам О. Шум времени. // Манделштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2 : стихи и проза. 1921–1929. С. 390.

¹¹⁵ Струве Г. П. [Коммент. к публ.] К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н. В. Недоброву к Б. В. Анрепу. С. 426.

рых, фигура Тютчева для Недоброво выступает в качестве одного из краеугольных камней отечественной поэтической традиции — на основании его дневниковых записей 1899 года современные комментаторы приходят к следующему выводу: «Его художественные пристрастия и самый взгляд на современную литературу определяются под сильным влиянием поэзии Тютчева, воспринятой в мировоззренческом ракурсе *fin de siècle*. (...) В Тютчеве Недоброво видит одного из тех, кто находится у истоков художественных течений начала века»¹¹⁶. В-третьих, метафорическое «предстательство» за Тютчева неожиданным образом возвращает к мандельштамовской рецензии на «Альманах муз», где исключенная из окончательного варианта характеристика стихотворения Ахматовой содержала сопоставление с художественной манерой Тютчева: «Отметим, как властительно, по-тютчевски звучит начало третьего стихотворения: — Из памяти твоей я выну этот день...»¹¹⁷. В-четвертых, акцентирование внимания на специфике «речевого портрета» Недоброво сопоставимо с его собственным признанием о происхождении особого фонетического рисунка своей речи в письме Анрепу 25.9.1912: «Если твердым искусом мне удалось приучить свой голос верно звучать хотя бы и в пустоте, то только потому, что первая его речь была выверена Тобюю и Твои заветы вечно памятны и глубоко непогрешимы»¹¹⁸.

Вследствие всех перечисленных обстоятельств несколько преувеличенной видится принадлежащая Е. А. Годдесу интерпретация данного факта и его отражения Мандельштамом: «В свою

---

¹¹⁶ *Кравцова И. Г., Обатнин Г. В.* Материалы Н. В. Недоброво в Пушкинском доме. С. 86. Приводимое там же (с. 88) публикаторами утверждение Недоброво еще более категорично: «Все русские поэты идут или от Пушкина, или от Тютчева». На данное обстоятельство применительно к самому Недоброво прямо указывали некоторые современники: «наиболее входившей в самые истоки его духовного мира была поэзия Тютчева» (*Сазонова-Слонимская Ю.* Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета. С. 245). Место Тютчева в «поэтической иерархии» Мандельштама неоднократно отмечалось современными исследователями; ср., напр.: *Тоддес Е. А.* Тютчев Ф. И. // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017.

¹¹⁷ *Мандельштам О.* О современной поэзии (К выходу «Альманаха муз»). С. 289.

¹¹⁸ К истории русской литературы 1910-х годов: Письма Н. В. Недоброво к Б. В. Анрепу. С. 443. Возникающая в мандельштамовском фрагменте альпийская топика выступает дополнительным подтверждением его положительной оценочности: именно таково ее устойчивое семантическое наполнение в художественном мире Мандельштама; см.: *Еськова А. Д.* Альпы // Мандельштамовская энциклопедия : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017.

мемуарную книгу он включил специальный эпизод, показывающий своеобразную экспансию Тютчева в культурный быт начала 20 века благодаря усилиям молодого поэта и филолога Н. В. Недоброво»¹¹⁹. Строго говоря, согласно предведомлению самого Мандельштама, причиной его художественного обращения к фигуре Недоброво послужило не поэтическое наследие Тютчева, а тот факт, что индивидуальная специфика личности старшего современника «(...) с необычайной силой сказывалась в особенностях произношения». Предшествовал этому пассаж о Василии Гиппиусе, о котором говорилось: «(...) вся сила его личности заключалась в энергии и артикуляции его речи. У него было бессознательное влечение к шипящим и свистящим звукам и “т” в окончании слов. Выражаясь по-ученому, пристрастие к дентальным и небным. — С легкой руки В. В. и поныне я мыслю ранний символизм как густые заросли этих “щ”. “Надо мной орлы, орлы говорящие”. Итак, мой учитель отдавал предпочтение патриархальным и воинственным согласным звукам боли и нападения, обиды и самозащиты»¹²⁰. В таком контексте неслучайным кажется в мандельштамовском изображении речи Недоброво акцентирование внимания на гласной «а», неизбежно ассоциирующееся с анаграммой имени и фамилии Ахматовой. В свою очередь, внимание самого Недоброво привлекала звукопись ахматовской поэзии, причем непосредственно в ее речевом фонетическом аспекте. В глубокой и разносторонней статье о ее сборнике «Четки» (вряд ли знакомой Мандельштаму) он, в частности, отмечал: «Как Ахматова знает упоение молитвы, можно судить по описанию молящихся перед мощами святой (...): “И, согнувшись, бесслезно молилась / Ей о слепеньком мальчике мать, / И кликуша без голоса билась, / Воздух сияясь губами поймать”. Нельзя не отметить, как здесь живет напряжение чуть шевелящихся губ, свойственное немой молитве: все губные, так часто встречающиеся в этой строфе: б, п и м, стоят или в начале, или в конце слов, или смежны с ударяемым гласным, например: губами поймать. Примечательно, что ни одно-го р нет во всей строфе»¹²¹. И если в двух процитированных фраг-

¹¹⁹ Тоддес Е. А. Тютчев Ф. И. С. 481, стб. 2.

¹²⁰ Мандельштам О. Шум времени. С. 390.

¹²¹ Недоброво Н. В. Анна Ахматова // Русская мысль. 1915. Кн. VII. С. 64. Как известно, эту статью Недоброво Ахматова до конца своих дней называла лучшим из всего написанного о ней. Так, например, после того, как по ее просьбе Лидия Чуковская нашла и передала ей номер «Русской мысли», она 24.5.1940 так оха-

рактизовала диахронический контекст этого, по сути, не критического, а уже собственно литературоведческого исследования: «Потрясающая статья, (...) пророческая... Я читала ночью и жалела, что мне не с кем поделиться своим восхищением. Как он мог угадать жесткость и твердость впереди? Откуда он знал? Это чудо. Ведь в то время принято было считать, что все эти стихи — так себе, сентименты, слезливость, каприз. Паркетное ломанье. (...) Недоброво понял мой путь, мое будущее, угадал и предсказал его потому, что хорошо знал меня» (*Чуковская А. Записки об Анне Ахматовой*: в 3 т. Т. 1: 1938–1941 / 5-е изд., испр. и доп. М., 1997. С. 124–125). (Возможно, именно этот экземпляр был 21.11.1964 подарен Ахматовой В. А. Знаменской с симптоматичным в рассматриваемом контексте инскриптом: «Милой Вере — лучшее, что написано о молодой Ахматовой» (ГПБ. Ф. 1088. Оп. 791а. Ед. хр. 295; цит. по: *Кралин М. М. Предисловие к публикации: «Письма Н. В. Недоброво к Блоку» / Предисл., публ. и коммент. М. М. Кралина // Литературное наследство. Т. 92: Александр Блок: Новые материалы и исследования. Кн. 2. М., 1981. С. 294, прим. 12; ср.: *Топоров В. Н.* Об одном письме к Анне Ахматовой // *Ахматовский сборник*. 1. Париж, 1989. С. 16; *Струве Г.* Ахматова и Н. В. Недоброво // *Анна Ахматова: Pro et contra: Антология*. СПб., 2001. С. 539 и др.)) Данный аспект ахматовского восприятия статьи Недоброво рассматривается в исследовании: *Жаккар Ж.-Ф.* «Реквием» Анны Ахматовой, женщины и поэта (История одного образа, от прозрения Н. Недоброво до улыбки (?) В. Жирмунского) // *Жаккар Ж.-Ф.* Литература как таковая. От Набокова к Пушкину: Избранные работы о русской словесности. М., 2011. С. 372–375. — К слову сказать, текст Недоброво, опубликованный в литературно-политическом журнале, содержит четыре авторских примечания не вспомогательного, а содержательного характера, что совершенно не свойственно для изданий подобного типа и, в свою очередь, заставляет вспомнить о том, каким неожиданным и нетривиальным для художественного текста образом был оформлен в «Шуме времени» пассаж о Недоброво. — Ортодоксальные приверженцы интертекстуального толкования творчества Мандельштама вряд ли упустят соблазнительную возможность увидеть отзвук формулировки Недоброво «напряжение чуть шевелящихся губ» в мандельштамовской строке «Губ шевелящихся отнять вы не могли» из стихотворения «Лишив меня морей, разбега и разлета...» 1935 года. Вероятно, привлечен в таком случае будет и другой семантически близкий экзистенциальный контекст, где присутствует данная метафора художественного творчества — стихотворение 1922 года «Холодок щекочет темя...»: «Видно, даром не проходит / Шевеленье этих губ, / И вершина колобродит, / Обреченная на сруб» (*Мандельштам О. Э.* Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина, коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М., 2017. С. 244, 156; там же (с. 448, 395) содержится подробная библиография исследований этих текстов). — В связи с процитированной статьей Р. Д. Тищенко был отмечен другой гипотетический случай семантического соположения фигур Ахматовой и Недоброво в художественном мире Мандельштама: «(...) можно предположить, что пчелы и осы в поэзии Мандельштама часто семантически связаны с образом Ахматовой — вплоть до стихотворения “Вооруженный зреньем узких ос...” Одним из источников сопряжения “пчелиной темы” с Ахматовой могут быть слова Н. В. Недоброво в статье о ней: “В составе любовной жажды, выражаемой в ‘Четках’, живо чувствуется стихия именно этой пчелиной жажды, для утоления которой слишком мало, чтобы любимый любил...»; ста-*

ментах мандельштамовской прозы речь идет о смыслообразующей функции, соответственно, гласных и согласных звуков, то в статье Недоброво рассматривается их фонетический «диалог»¹²². В такой связи внимания заслуживает еще один факт: по определению Святополк-Мирского, содержащемуся во вступительной части его заметки «Английские пуристы» (Звено [Париж]. 1925. № 128. 13 июля), современные ему защитники чистоты русского языка «не только не знают ни истории, ни фонетики, они не знают даже, чего хотят». Вряд ли случайно в противоположность им автор противопоставляет позицию Недоброво, который «(...) настаивал на необходимости “политики языка”, — понятие, построенное по аналогии с “политикой права” (...). Языкознание изучает факты, но не устанавливает оценочного к ним отношения. Языкознание не знает, хорошо или плохо произношение “что” вместо “што”, или “визжать” с твердым ж вместо мягкого. Языкознание только дает сведения о происхождении таких произношений, а решить, что лучше — сохранять традицию живого произношения (“што”) или выводить каждый раз произношение из написания (“что”) — дело “политики языка”»¹²³. Речь идет об отклике Недоброво на критически упоминаемое Святополк-Мирским руководство по теоретическим и практическим аспектам воспитания сценической речи — книгу Сергея Волконского «Выразительное слово», однако формулировка рецензента звучит несколько иначе (и можно предположить — шире): «Уже существуют политики государственная, хозяйственная, уголовная и т. п.; подлежит построению политика слова»¹²⁴. Как уже приходилось отмечать,

---

тя датируется мартом 1914 года (Тименчик Р. Д. Заметки об акмеизме // Russian Literature. 1974. № 7/8. С. 41).

¹²² Подобное внимание к расширенной семантизации согласных звуков, вероятно, может рассматриваться как редуцированный дополнительный аргумент атрибуции «аполлоновского» псевдонима «Z», предложенной в примечании 70.

¹²³ Святополк-Мирский Д. П. Английские пуристы // Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подгот. текстов, коммент., мат. к библиогр. О. А. Коростелева и М. В. Ефимова. М., 2014. С. 129. О данном факте более эмоционально автор упомянул чуть позже, когда в в эссе «Хлебников (ум. 1922)» (Версты. 1928. № 3) в числе «лучших молодых филологов» был назван «Г. Винокур (автор “Культуры языка”, книги впервые конкретно ставящей вопросы “политики языка” дисциплины, только мечтавшей покойному Н. В. Недоброву)» (Святополк-Мирский Д. П. Русское письмо: Статьи. Рецензии. Портреты. Некрологи / Сост., подг. текстов, примеч. В. В. Перхина. СПб., 2020. С. 128).

¹²⁴ Недоброво Н. В. Культура речи. [Рец.] Волконский С. Выразительное слово. Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии

на вторую половину 1910-х годов приходится и общение с Волконским Мандельштама,¹²⁵ в связи с чем дополнительную смысловую окраску получает тот факт, что, например, рекомендациям по правилам выразительного произношения гласных и согласных звуков в монографии Волконского были посвящены две специальных главы¹²⁶.

В то же время, внимание к звуковой организации поэтического текста было характерно для Иннокентия Анненского. Позднее о его обращении к этой теме на одном из заседаний ОРХС вспоминал Пяст: «В первых книжках “Аполлона” как раз печатались им под полной фамилией составившие своего рода эпоху для тогдашних поэтов статьи о них: “Они” и “Оне”. Но, сколько помнится, этих своих статей И. Ф. Анненский, перед смертью решивший выступить на широкую дорогу литературы, в Академии не докладывал. Напротив, я хорошо помню его речи о поэтах прошлого, — в частности, о Лермонтове, которого он, как редко кто, умел любить». В качестве иллюстрации сказанного мемуарист повествует о предпринятом выступавшим анализе фонетического строя стихотворения «Выхожу один я на дорогу...»: «Анненский заговорил об его значении. Прежде всего, он обратил внимание на “инструментовку”. В первых лекциях Вячеслава Иванова учение об инструментовке было представлено со значительными проблемами: кажется, именно их брался пополнить И. Ф. Анненский. Он указал на подбор гласных: всех притушенных, с преобладанием “о”, “у” и отсутствием “а” на ударных местах. Он, до всяких исследований о звуковых “повторах”, раскрывал и секреты очарования инструментовки согласных звуков этой поэмы». И далее рассказчик воспроизводит разбор Анненским фонетической структуры последней строфы лермонтовского стихотворения: «После ряда рифм с характерными “у” и “о” в этой последней строфе все конечные слоги стихов имеют ударный гласный “е”. Потому что это — уже пение. И, соответственно, певучие “л” — согласные,

---

и эстетики речи в жизни и на сцене. СПб., 1913, стр. 215. Ц. 1 р. 50 к. // Русская мысль. 1915. Кн. X. Отд. 2. С. 23, стб. 2.

¹²⁵ См.: Шиндин С. Категория ритма в художественном мировоззрении Мандельштама // «Сохрани мою речь...». Вып. 5. Ч. 2. М., 2011. С. 302–306, 330–332 и др.

¹²⁶ См.: Волконский С. «Выразительное слово»: Опыт исследования и руководства в области механики, психологии, философии и эстетики речи в жизни и на сцене. СПб., 1913. С. 45–68.

почти полугласные, — окрашивают, особенно первые два, стиха этой строфы». Трудно сказать, насколько точно рассказ Пяста соответствует реальности, но симптоматичным представляется его эмоционально окрашенная финальная часть: «Как проникновенно лирично излагал это самое покойный поэт-учитель. Как-то все сразу, несмотря на то, что в мире изящной литературы Анненский еще пока ничем не проявил себя, (...) все сразу, без спора признали этого старика, в сущности, из самых новых людей вне учебной области, — своим учителем, авторитетом почти непререкаемым»¹²⁷. Расширяющее эту характеристику мемуарное свидетельство принадлежит Маковскому, много лет спустя вспоминавшему об Анненском: «(...) он был пуристом стихотворного звука. Форме в поэзии придавал значение первенствующее и больше всего ценил похвалы, направленные на его формальные удачи. В строке он по многу раз менял слова, дабы заменить слог с открытой гласной слогом с глухой или наоборот. И в своей стихотворной критике настаивал на этих *a*, *y*, *и*, в которых таилась для него магия выразительности. — Сколько раз с какой-то завистью говорил он мне о выработанности французами звукочередования в стихах, да и в прозе. (...) — Анализируя чье-нибудь стихотворение, он особенное внимание обращал на буквенное звучание слов. Например, говоря о “Тихой колыбельной” Федора Сологуба, замечает: “Помните вы эту “Тихую колыбельную”? — Вся из хореев, усеченных на конце нежно открытой рифмой. На *ли*, *ю*, *ду*, *на* и динькающей — *день* — *тень*, *сон* — *лен* или узкой шепотной — *свет* — *нет*»¹²⁸.

¹²⁷ Пяст Вл. Встречи. С. 105–106. К заключительному пассажи Пяста можно привести более сдержанное по форме замечание Маковского: «В бегстве от реальности Анненский пристал к “молодым”, сделался “ментором” вместе с Вячеславом Ивановым в учрежденном при редакции “Аполлона” Обществе ревнителей художественного слова» (Маковский С. Иннокентий Анненский // Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955. С. 243). С сожалением приходится констатировать, что данный эпизод биографии «старшего поэта» почти не привлекал внимания авторов его жизнеописаний. Отчасти поэтому трудно сказать, о каком именно выступлении Анненского идет речь; вероятно, он посещал заседания ОРХС с момента их начала осенью 1909 года и, очевидно, 13.10.1909 прочел доклад «Поэтические формы современной чувствительности» (см., напр.: Петрова Г. В. Творчество Иннокентия Анненского: Учебное пособие. Великий Новгород, 2002. С. 101 [эл. изд.]); возможно, мемуарист вспоминает его участие в одной из дискуссий, сопровождавших каждое из прозвучавших сообщений (а иногда и полемических реплик) участников заседаний.

¹²⁸ Маковский С. Иннокентий Анненский. С. 261–262.

Вместе с тем мандельштамовская «семантизация» гласных звуков и их прозрачно имплицитруемая опосредованная связь с белым цветом вполне может быть сопоставлена с аналогичной цветовой символикой, содержащейся в стихотворении Артюра Рембо «Гласные» (1871), внимание к которому, в частности, привлек Анненский в своей известной статье «О современном лиризме», опубликованной в первом выпуске журнала «Аполлон» (и упомянутой в мемуарном пассаже Пяста): «Когда-то, еще в боевую пору новой поэзии у французов, Артюр Рембо (Rimbaud) напугал читателей (а еще больше не-читателей) сонетом о гласных, где каждый гласный звук властно вызывал в душе поэта ощущение одного из цветов и символизировался различными мельканиями и звучаниями жизни»¹²⁹. Этот же текст упоминает в связи со своими детскими воспоминаниями о семейном книжном собрании Мандельштам: «Цвет Пушкина? Всякий цвет случаен — какой цвет подобрать к журчанию речей? У, идиотская цветовая азбука Рембо!»¹³⁰. Дополнительные смысловые коннотации возни-

¹²⁹ Анненский Ии. О современном лиризме. 1. Они // Аполлон. 1909. № 1. С. 20; Анненский И. О современном лиризме. Они. 1 // Анненский И. Книги отражений / Изд. подгот. Н. Т. Ашимбаева, И. И. Подольская, А. В. Федоров. М., 1979. С. 336.

¹³⁰ Мандельштам О. Шум времени. С. 356. В этой связи немаловажным кажется то, что в статье Анненского находится следующее замечание: «Недавно кто-то дал (...) очень простое решение загадки, пробуя оправдать и Рембо, и тех, кого в то время сонет все же заинтересовал, как смелая попытка фиксировать и объединить слишком мимолетные восприятия, не подчиняясь общепонятым схемам — оказалось, что в какой-то старой азбуке, по которой, может быть, учился и Рембо, гласные буквы были раскрашены и едва ли не так же, как в пресловутом сонете. Террор обратился в идилию, а желание удивить мир — в сентиментальное воспоминание» (Анненский Ии. О современном лиризме. 1. Они. С. 20; Анненский И. О современном лиризме. Они. 1. С. 336). Фактическим подтверждением сказанному может служить следующий комментарий: «В 1904 г. Э. Гобер предложил упрощенное толкование сонета — сославшись на, возможно, бывший в руках ребенка Рембо букварь, где “А” было напечатано черной краской, “Э” — желтой (могло выцвести до белой на бумаге или в памяти), “И” — красной, “О” — лазурной, “У” — зеленой, а “Игрек” — оранжевой. Это предположение убедительно в том смысле, что трактовка в букваре была чисто произвольной и не содержала какой-либо значащей ассоциации между данным звуком и цветом. (...) — Влияние на сонет воспоминания о букваре кажется вероятным и из-за совпадения цветových окрасок букв, и особенно из-за неупорядоченности, бессистемности ассоциаций» (Балашов Н. И. Примечания // Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду / Изд. подгот. Н. И. Балашов, М. П. Кудинов, И. С. Поступальский. М., 1982. С. 393). — Любопытная «типологическая» параллель может быть предложена в «Шуме времени», где фрагменту о пушкинском собрании сочинений

кают в данном контексте в связи с тем обстоятельством, что один из вариантов перевода стихотворения Рембо принадлежал Гумилеву¹³¹. В этой связи оказывается возможным и допустимым вовлечение в формирующееся смысловое пространство дополнительных структурно-семантических параллелей и в первую очередь — традицию формальной и содержательной актуализации гласных в поэтической практике с середины 1910-х годов. Краткий «экскурс» в историю данного топоса в русской поэзии от футуристов до акмеизма принадлежит Ю. Б. Орлицкому: «Первое известное нам русское стихотворение, целиком составленное из гласных звуков, напечатал в 1913 году Алексей Крученых (...). В том же судьбоносном для русского авангарда 1913 году появляется историческое произведение Василиска Гнедова “Смерть искусству”, две из 15 частей которой состоят из одной гласной буквы (...). Активно работает с гласными еще один представитель радикального футуризма — Илья Зданевич (...). Возможно, не без влияния радикальной практики русских футуристов в 1921 году Николай Гумилев в стихотворении “На далекой звезде Венере...” цитирует “звездный язык” венеряна: «На Венере, ах, на Венере / Нету слов обидных или властных, / Говорят ангелы на Венере / Языком из одних только гласных. // Если скажут ‘ea’ и ‘ai’ — / Это радостное обещанье, / ‘Уо’, ‘ао’ — о древнем рае / Золотое воспомина- нье»¹³². В рассматриваемом семантическом пространстве исклю-

---

из библиотеки матери Мандельштама непосредственно предшествует изображение иллюстрированной еврейской азбуки.

¹³¹ Без указания на какие-либо источники и без комментария ситуации в целом перевод был воспроизведен в публикации: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. II // *Russian Literature*. 1977. Vol. V. № 3. С. 294, прим. 30 (и много позднее — в статье «Ангелы на Венере» в монографии: *Тименчик Р.* Ангелы — люди — вещи: в ореоле стихов и друзей. М., 2016. С. 30–31, прим. 33), — со ссылкой на которую был повторен в первом в СССР «академическом» издании поэтического наследия переводчика: *Рембо А.* Гласные // *Гумилев Н.* Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. М. Д. Эльзона. Л., 1988. С. 477–478. Очевидно, перевод был сделан для издательства «Всемирная литература» (см.: *Мартынов И. Ф.* Список переводов, выполненных Н. С. Гумилевым для издательства «Всемирная литература» и З. Гржебина // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1984. Sb. 15: Гумилевские чтения. С. 89), то есть в период с середины 1918 года до ареста поэта в 1921.

¹³² *Орлицкий Ю. Б.* «Гласные» стихи в истории русской поэзии // *Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Вып. II: Материалы международной научной конференции «П Бриковские чтения: Методология и практика русского формализма» (Московский государственный университет печати имени Ивана Федорова, Москва, 20–23 марта 2013 года)*. М., 2014.

чительно важен тот факт, что Мандельштам считал это относящееся к последним, 1921 года стихотворений Гумилева одним из лучших у него. Прямое свидетельство об этом оставила спутница жизни поэта: «Как и при всяком чтении поэтов, Мандельштам искал у Гумилева удач. Такой удачей он считал “На Венере, ах, на Венере...”»¹³³.

Некоторые параллели необходимо отметить в художественном мировоззрении Мандельштама и Недоброво (хотя они, вероятнее всего, имеют типологическое «происхождение»). Первая из них относится к теме архитектуры, для обоих поэтов выходящей за границы собственно материальной культуры. У старшего современника это проявляется в редуцированной форме — 22.11.1911 он писал Блоку в связи с выходом его новой книги (Ночные часы: Четвертый сборник стихов (1908–1910). М., 1911): «Стихотворения о России — тем, в чем они ее касаются — затронули меня меньше, и, верно, потому, что Россия представляется мне гораздо менее пестрой, чем Вам, но более архитектурной»¹³⁴. Исключительная роль архитектурной топики в художественном мире Мандельштама и ее содержательная и семантическая специфика неоднократно отмечалась как его современниками, так и научной традицией изучения его творчества¹³⁵.

С. 200–202. Анализ гумилевского стихотворения и указания на его возможные многочисленные источники и самые широкие художественные параллели (в том числе и на «Гласные» Рембо) содержится в исследовании: *Тименчик Р. Д.* Заметки об акмеизме. II. С. 281–300. Из последних публикаций об этом тексте в связи с мандельштамовской поэзией следует назвать заметку: *Десятов В. В.* «Чужого неба волшебство»: фрагмент диалога Николая Гумилева и Осипа Мандельштама // *Филология и человек*. 2011. № 4. С. 152–154.

¹³³ *Манделъштам Н. Я.* Вторая книга. С. 74.

¹³⁴ Письма Н. В. Недоброво к Блоку. С. 295.

¹³⁵ Относительно недавняя работа на эту тему, претендующая на обобщающий характер (*Пенкина А. И.* Архитектура // *Манделъштамовская энциклопедия* : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017), к сожалению, далека от совершенства. В частности, автором оставлен без должного внимания такой глубоко индивидуальный для художественного мира Манделъштама ее семиотический аспект, как едва ли не тотальная семантическая обратимость архитектурного и вербального начал, наделяющая, соответственно, архитектуру «повествовательным», а словесное творчество «строительным» качествами. Оставлена упомянутая публикация и без актуальной библиографии; ср.: *Кантор Е.* В толпокрылатом воздухе картин: Искусство и архитектура в творчестве О. Э. Манделъштама // *Литературное обозрение*. 1991. № 1; *Языкова И.* Архитектурные образы в творчестве Осипа Манделъштама // *Страницы: Богословие. Культура*. Обозрение: Журнал Библейско-богословского института св. Апостола Андрея.

Примечание. Актуальность архитектурной темы для художественной модели мира Мандельштама отметил уже Гумилев в рецензии на первое издание «Камня» в 1913 году (Аполлон. 1914. № 1): «любовь ко всему живому и прочному приводит О. Мандельштама к архитектуре. Здания он любит так же, как другие поэты любят горы или море. Он подробно описывает их, находит параллели между ними и собой, на основании их линий строит мировые теории. Мне кажется, это самый удачный подход к модной теперь проблеме урбанизма»¹³⁶. Сходную точку зрения чуть ранее отразил в своей рецензии Городецкий, обыгравший заглавие книги Мандельштама и использовавший его в качестве метафоры художественного творчества: «Счастливы поэты, которым с первой же книжки дано выявлять главные черты своего художественного облика. Им не приходится тратить сил на бесплодные поиски самого себя. К их числу принадлежит и О. Мандельштам. Его книга невелика, но ценна и характерна. Обладая личным чувством

1999. Т. 4. Вып. 4; *Кантор-Казовский Л.* Архитектурная метафора у Мандельштама // *Cahiers du Monde Russe*. № 42/1. 2001. Janvier-mars; *Аленов М. М.* Архитектура в «Камне» Мандельштама // *Аленов М. М.* Тексты о текстах. М., 2003; - *Golub X.* От камня к готическому собору. Предвестники «архитектурных» образов в раннем творчестве Осипа Мандельштама // *Slavica*. 2003. № 32; *Шиндин С. Г.* Фрагмент поэтического диалога Мандельштама и Гумилева: К рецепции образа Аия-Софии в культуре «серебряного века» // В. Я. Брюсов и русский модернизм. М., 2004; *Стратановский С.* Мальчишка-океан: О стихотворении Мандельштама «Реймс — Лаон» // *Звезда*. 2007. № 12; *Пак Сун Юн.* Органическая поэтика Осипа Мандельштама. СПб., 2008. С. 104–123 сл.; *Доценко С. Н.* О генезисе архитектурного стихотворения О. Мандельштама «Notre Dame» // *Donum homini universalis: Сборник статей в честь 70-летия Н. В. Котрелева*. М., 2011; *Shlott W.* Zur Funktion antiker Gottermythen in der Lyrik Osip Mandel'stams. Frankfurt am Main; Bern, 1981. S. 65–83; *Steiner P.* Poem as Manifesto: Mandel'stam's «Notre-Dame» // *Russian Literature*. 1984. Vol. XV. № 1; *Crone A. L., Day J.* My Petersburg // *Myself: Mental Architecture and Imaginative Space in Modern Russian Letters*. Bloomington, 2004 и мн. др.

¹³⁶ Подобная оценка в урбанистическом контексте повторится и в гумилевской рецензии на второе издание сборника стихов Мандельштама (Аполлон. 1916. № 1), в которой об авторе говорится: «Силою вещей, как горожанин, он стал поэтом современного города <...>. О. Мандельштам пришел к кумиру, — его, полюбившего реальность, <...> пленила идея Вечного Города, цезарский и папский Рим» (*Гумилев Н. С.* Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии / Подгот. текстов и примеч. М. Баскера, Т. М. Вахитовой, Ю. В. Зобнина и др. М., 2006. С. 165, 198–199. Об урбанистической топике в художественном мире Мандельштама см.: *Шиндин С. Г.* Город // *Мандельштамовская энциклопедия* : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017.

ритма, образы для своих переживаний схватывая остро и своеобразно, поэт “Камня” поистине кладет прочный камень в угол создаваемого им мира. О. Мандельштам особенно хорошо чувствует весомость мира, “прекрасное” он создает “из тяжести недоброй”. Арки и своды пленяют его, и он смело подходит к глыбам косного материала»¹³⁷. Сказанное вождями нового поэтического направления об одном из его представителей вполне согласуется с содержащимся в акмеистическом манифесте Гумилева «Наследие символизма и акмеизм» (Аполлон. 1913. № 1) метафорическим утверждением о том, что «акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню. А один из принципов нового направления — всегда идти по линии наибольшего сопротивления»¹³⁸. Среди других авторов подобную индивидуальную черту поэтики начинающего автора пронизательно отметил в рецензии на второе издание «Камня» Пяст (День. 1916. 21 янв. С. 5), начавший публикацию с метафорического обыгрывания заглавия книги: «Это уже второй “Камень” О. Мандельштама. Один оторвался от него, как от некой поэтической скалы, три года тому назад, а этот — потолще и поувесистей — падает в нынешнюю лютую годину. (...) Хороши (...) архитектурные мотивы поэта, особливо “Адмиралтейство”, где автор [...] безусловно и искусно возвышается до философского выражения зодческой идеи»¹³⁹. Позднее, уже в более обобщенном контексте об этом писал Волошин в получившей широкий резонанс заметке «Голоса поэтов» (Речь. 1917. 4 июня. С. 3), также используя метафору образа ‘камня’: «в мире пластическом он сильнее всего чувствует архитектуру; потому что не есть ли архитектура — камень, который стал словом, и не каждый ли собор звучит своим голосом?»¹⁴⁰. На эту же тему обратил внимание бывший соученик Мандельшта-

¹³⁷ С. Г. [Городецкий С.] [рец.] О. Мандельштам. Камень. Стихи. Изд. «Акме». СПб., 1913. Ц. 50 к. // Гиперборей. 1913. № 6. С. 27. При всей очевидности подобно-го семантического «изоморфизма» первенство в его введении в широкий оборот, вероятно, все-таки принадлежит именно Городецкому.

¹³⁸ Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 7 : Статьи о литературе и искусстве. Обзоры. Рецензии. С. 148.

¹³⁹ Цит. по републикации: Рецензии на «Камень» // Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. А. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. А. Фрейдин. Л., 1990. С. 218–219.

¹⁴⁰ Волошин М. Голоса поэтов // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 6. Кн. 2 : Проза 1900–1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы / Под общ. ред. В. П. Купченко и А. В. Лаврова, при участии Р. П. Хрулевой; сост.,

ма по Санкт-Петербургскому университету Габриэль Гершенкройн¹⁴¹ в обстоятельной и глубокой рецензии на второе издание «Камня» (Одесские новости. 1916. 20 марта. С. 2). Согласно его характеристике, поэт «чаще становится художником современного города, с его изменившимся пейзажем и обстановкой, кинематографом, блестящей оперой, “вереницей моторов”». Как следствие — замечание о том, что «архитектуру Мандельштам почувствовал, как редко кто из поэтов»; при этом автор акцентирует внимание на динамическом аспекте спациональных моделей, когда важнейшие для трех христианских конфессий архитектурные святыни — Айя-София, Нотр-Дам, Казанский собор — образуют единое целое, которое, выражаясь метафорически, «движется, волнуется, живет ритмом одушевленной жизни». Соответственно, признак архитектурности (в терминологии Гершенкройна — «тайная архитектура») распространяется на самую мандельштамовскую поэтику: «В “Камне” нельзя не заметить “architecture secrete”, скрытого поэтического плана, в котором раскрывается постепенный путь создания этой книги, отмеченный ломаной, но закономерно правильной линией творчества»¹⁴².

Данная предрасположенность к материальной культуре акмеизма в теоретическом аспекте и, в частности, Мандельштама — в практическом далеко не всеми современниками воспринималась положительно. Относительно нейтрально высказался об этом Василий Львов-Рогачевский в статье «Символисты и наследники их» (Современный мир. 1913. Кн. 7), затем вошедшей в трижды переиздававшуюся в 1920–1925 годах монографию «Новейшая русская литература»: «Почти одновременно с эго-футуристами появились в Петербурге в 1912–13 гг. так называемые адамисты или акмеисты. — Во главе их стали отпавшие от символизма Сергей Городецкий — ученик К. Бальмонта и Гумилев — ученик Валерия Брюсова. — Если эго-футуристы творцы слов, то адамисты — творцы вещей (...), эти поэты ныне славят Нового Адама, становятся “Вещелюбами”. (...) — Адамисты-акмеисты бегут из своих келий одиночек в этот мир, бегут, как расстриги симво-

---

подгот. текста А. В. Лаврова; коммент. К. М. Азадовского, О. А. Бригадной, З. Д. Давыдова и др. М., 2008. С. 20.

¹⁴¹ О нем самом и о его рецензии идет речь в публикации: Шиндин С. Габриэль Гершенкройн. Штрихи к портрету. Часть I // Новый Журнал. 2016. Кн. 284 (URL: <https://newreviewinc.com/pdf/2016/284.pdf>).

¹⁴² Цит. по републикации: Рецензии на «Камень». С. 224, 223.

лизм, несмотря на строжайшие увещания первоприсутствующего при школе русских символистов Валерия Брюсова. (...) — В поэзии они противопоставили музыке живопись (Сергей Городецкий, Владимир Нарбут), пластику (Н. Гумилев, М. Зенкевич, Кузмина-Караваева), архитектуру (О. Мандельштам)¹⁴³. Более резок был в оценке Корней Чуковский, в рецензии на книгу стихов Городецкого «Цветущий посох»¹⁴⁴ (Журнал журналов. 1915. № 1) утверждавший: «Акмеисты ненавидят музыку: они всячески ее вытраивают из своих душ и стихов. Магические чары лирной музыки, пьянившие доселе поэтов, кажутся им лживее лжи. Их задача: преодолеть эти чары. Если Верлен восклицал: “музыка прежде всего!” — то они, ему наперекор, повторяют: “архитектуры, скульптуры!” Строй свою поэму, как башню, как часовню, как мост, будь не музыкантом, но каменщиком. У акмеистов Эренбурга и О. Мандельштама много таких *каменных* стихов. — Этой борьбе с наваждениями музыки, к счастью, суждена неудача. Ведь и в скульптуре, и в зодчестве есть свои мелодии, свой ритм. Разве Кельнский собор не лиричен? И что такое архитектурный стиль, как не музыкальная ритмика камня? Акмеистам не уйти от музыки, но эта их жажда “каменности”, “вещности: — несомненно плодотворна и нужна»¹⁴⁵. Справедливости ради следует сказать, что архитектурная метафорика получила широкое развитие в художественном мире Мандельштама позднее, в начале 1920-х годов, что так же продолжало фиксироваться его профессиональными читателями. Так, например, в 1922 году Николай Анциферов, в своем известном исследовании характеризуя в контексте «петербургского мифа» стихотворение «Адмиралтейство» («В столице северной томится пыльный тополь...», 1913), прямо определил его как авторский «(...) отклик на увлечение архитектурой»¹⁴⁶. Не остался без внимания данный «дифференциальный признак» художественного мировоззрения Мандельштама и позднее, в первом энциклопедическом очерке о нем в очередном томе «Литературной энциклопедии», где, в частности, говорилось: «Действительность воспринимается им лишь с точки зрения

¹⁴³ Львов-Рогачевский В. Новейшая русская литература. М., 1922. С. 236.

¹⁴⁴ Городецкий С. Цветущий посох: Вереница восьмистиший. Пб., 1914.

¹⁴⁵ Чуковский К. Цветущий посох // Чуковский К. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 7 : литературная критика. 1908–1915 / Коммент. Е. Ивановой. 2-е изд., электронное, испр. М., 2012. С. 603–604.

¹⁴⁶ Анциферов Н. Душа Петербурга. Пб., 1922. С. 208.

иллюзорной неподвижности ее форм. Вещь как данность — одна из любимых его эстетических категорий. Закономерна тяга Мандельштама к законченно-уравновешенным образам, заимствованным из мира архитектурных и скульптурных представлений; они по своей неподвижной природе наиболее соответствуют “чистому покою”, которого так упорно ищет Мандельштам»¹⁴⁷.

Сам Мандельштам с середины 1910-х годов неоднократно обращался к архитектурной тематике и метафорике не только в стихотворных, но и в прозаических текстах, причем актуализировал ее как в собственно акмеистическом, так и в более широком метапоэтическом аспектах. В «манифесте» 1913 года «Утро акмеизма», опубликованном позднее (Сирена [Воронеж]. 1919. № 4–5)¹⁴⁸, Мандельштам прямо уподобляет художественное творчество работе каменщика: «(...) мироощущение для художника орудие и средство, как молоток в руках каменщика, и единственно реальное — это само произведение» В архитектурной терминологии он дает известное метафорическое определение акмеизма: «Акмеизм — для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает ее, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы. Зодчий говорит: я строю, — значит я прав. Сознание своей правоты нам дороже всего в поэзии, и (...) мы вводим готику в отношения слов». И далее он афористически постулирует: «(...) камень Тютчева, что, “с горы скатившись, лег в долине, сорвавшись сам собой иль был низвергнут мыслящей рукой”, — есть слово. Голос материи в этом неожиданном падении звучит как членораздельная речь. На этот вызов можно ответить только архитектурой. Акмеисты с благоговением поднимают таинственный тютчевский камень и кладут его в основу своего здания»¹⁴⁹. Тогда же в статье «Франсуа Вил-

¹⁴⁷ Тарасенков А. К. Мандельштам О. Э. // Литературная энциклопедия. Т. 6 / Гл. ред. А. В. Луначарский. М., 1932; цит. по: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 372–373.

¹⁴⁸ В другой связи об этом тексте отмечалось: «Статья была опубликована в 1919 г. (...), но, видимо, написана в 1913 г. вместе с другими акмеистическими манифестами (Гумилева и Городецкого) и обсуждалась в “Цехе поэтов”» (Никольская Т. Л., Левинтон Г. А. Примечания. С. 775, прим. 37).

¹⁴⁹ Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : стихи и проза. 1906–1921 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев. М., 1993. С. 177–178. Попытка рассмотрения архитектурной тематики в акмеизме была предпринята в работе: Крутий С. М. «Архитектурность» художественных образов в поэзии акмеистов: О. Мандельштам и А. Ахматова / Дисс. ... канд. филолог. наук. Магнитогорск, 2005.

лон» (1910 (1912?), 1927) Мандельштам использовал расширительно понимаемый им образ архитектурной готики как «термин сравнения» для ритмических особенностей средневекового поэта: «Физиология готики (...) заменила Виллону мировоззрение и с избытком вознаградила его за отсутствие традиционной связи с прошлым. (...) Скажут: что имеет общего великолепная ритмика “Testaments” (...) с мастерством готических зодчих? Но разве готика не торжество динамики? Еще вопрос, что более подвижно, более текуче — готический собор или океанская зыбь? Чем, как не чувством архитектоники, объясняется дивное равновесие строфы, в которой Виллон поручает свою душу Троице через Богоматерь — *Chambredela Divinité* — и девять небесных легионов. Это (...) архитектурно обоснованное восхождение, соответственно ярусам готического собора. Кто первый провозгласил в архитектуре подвижное равновесие масс и построил крестовый свод — гениально выразил психологическую сущность феодализма»¹⁵⁰. В несколько отличающемся контексте данный мотив, проецируемый на художественное творчество, повторится в писавшейся, очевидно, тогда же статье «О современнике» (1913 (1912?), 1927): «С кем же говорит поэт? Вопрос мучительный и всегда современный. Предположим, что некто (...) обратил свое внимание исключительно на акустику. Он бросает звук в архитектуру души и, со свойственной ему самовлюбленностью, следит за блужданиями его под сводами чужой психики»¹⁵¹.

Присутствие архитектурной темы в художественном мире Мандельштама в качестве одной из формальных и содержательных доминант отмечали многие современные исследователи, причем основное внимание уделялось именно его раннему творчеству. В частности, Л. Я. Гинзбург отмечала: «Архитектурность раннего Мандельштама следует понимать широко. Он вообще мыслил действительность архитектурно, в виде законченных структур, — и это от бытовых явлений до фактов большой культуры».¹⁵² В ре-

---

¹⁵⁰ Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : Стихи и проза. 1906–1921. С. 175–176. Об образе готики в творчестве Мандельштама см. публикацию: Шиндин С. Г. Готика // Мандельштамовская энциклопедия: В 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017.

¹⁵¹ Мандельштам О. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1 : стихи и проза. 1906–1921. С. 183.

¹⁵² Гинзбург Л. «Камень» // Мандельштам О. Камень / Изд. подгот. Л. Я. Гинзбург, А. Г. Мец, С. В. Василенко, Ю. Л. Фрейдин. Л., 1990. С. 267; ср. метафориче-

зультате такого семантического наполнения архитектурной топики в поэтике Мандельштама применительно к ней «(...) можно полагать, что фигурирующий в его стихах архитектурный объект: собор, дворец, город — выступает не как реалья, подлежащая описанию, но изначально как самостоятельный текст со своей структурой и семантикой, подлежащий не описанию, а “цитированию”, пересказу, то есть функционирует именно как архитектурный под-текст»¹⁵³. Об особой, «онтологической» и экзистенциальной значимости архитектуры для поэта свидетельствовала и его спутница жизни, в мемуарных очерках отмечая: «Архитектура для Мандельштама не только одно из искусств, но освоение одного из величайших даров, полученных человеком, — пространства, трехмерности. Отсюда призыв — не тяготиться трехмерностью (...), но, выполняя земное назначение, осваивать ее — радостно жить и строить в этом трехмерном мире (...). Архитектура — наиболее явственный след, который человек может оставить в этом мире, а следовательно, залог бессмертия»¹⁵⁴. Следствием такого восприятия архитектуры выступает исключительное многообразие смыслообразующих, метафорических возможностей этой категории, проявляющихся в формировании ее устойчивых и разнообразных семантических связей с социальной, духовной, историко-культурной и автобиографической топикой, что во многом определяет индивидуальную специфику художественного мира Мандельштама.

Более значительное место в мировоззрении Недоброво занимал связываемый с Россией образ Византии, по свидетельству Юлии Сазоновой-Слонимской, встраивающийся в обобщенный историсофский, религиозный и нравственный контекст: «Ос-

---

ское транспонирование данного признака в художественную практику — сферу композиции: «во втором издании “Камня” книга стихов как “большая форма” обретает совершенство гармоничной архитектурной постройки» (Лекманов О. О трех акмемистических книгах: М. Зенкевич, В. Нарбут, О. Мандельштам. М., 2006. С. 74)

¹⁵³ Левинтон Г. А. Маргиналии к Мандельштаму // Осип Мандельштам: Поэтика и текстология. К 100-летию со дня рождения: Материалы научной конференции 27–29 декабря 1991 года. М., 1991. С. 38

¹⁵⁴ Мандельштам Н. Моцарт и Сальери // Мандельштам Н. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: «Воспоминания» и др. произведения (1958–1967) / Сост. С. В. Василенко, П. М. Нерлер, Ю. Л. Фрейдин, подгот. текста С. В. Василенко при участии П. М. Нерлера и Ю. Л. Фрейдина, коммент. С. В. Василенко и П. М. Нерлера. Екатеринбург, 2014. С. 809.

новным звеном, смыкающим цепь идей Николая Владимировича, было понятие России. (...) — Он считал Россию вместилищем Духа, и с нею были связаны для него все вопросы земного существования человечества. Россия должна была открыть человеку его истинную жизнь, — в ней, в верном ее пути разрешение основных духовных вопросов. — В его понятии Россия в данный период человеческой истории была осиянна тем венцом, который сиял попеременно над христианским Римом первых христианских веков, над Византией в лучшую ее пору (...). — Духовное содержание России было важнее всего для него, и то, что называли его “империализмом” — мечта о влиянии на Востоке — было желанием озарить венцом России древнюю Византию»¹⁵⁵. В художественном мире Манделштама образ Византии, ставший актуальным с начала 1920-х годов, носил более культурологический характер¹⁵⁶.

¹⁵⁵ Сазонова-Слонимская Ю. Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета. С. 237–238.

¹⁵⁶ С образом Византии исследователями традиционно связывается одно из «поэтических» акмеистических стихотворений Манделштама 1912 года «Айя-София» (ср., напр.: Ранчин А. М. Византия и «Третий Рим» в поэзии Осипа Манделштама (к интерпретации стихотворений «Айя-София» и «На розвальнях, уложенных соломой...») // Смерть и бессмертие поэта: Материалы научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О. Э. Манделштама (Москва, 28–29 декабря 1998 г.). М., 2001. С. 206–208; Гаспаров М. Л., Нерлер П. М. «Айя-София»; «Notre-Dame» // О. Э. Манделштам, его предшественники и современники: Сборник материалов к Манделштамовской энциклопедии. М., 2007; Гаспаров М. Л. Статьи для «Манделштамовской энциклопедии»: стихотворения сборника «Камень» // М. Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Сост. М. Акимовой, М. Тарлинской. М., 2017. С. 66–67 и др.; подробная библиография по данному вопросу представлена в комментарии в издании: Манделштам О. Собрание стихотворений 1906–1937 / Сост. О. А. Лекманова, М. А. Амелина, коммент. и библиогр. О. А. Лекманова, Е. А. Глуховской, А. А. Чабан. М., 2017. С. 331), хотя, строго говоря, оно скорее относится к архитектурному, а не к собственно византийскому топосу. Сама же тема Византии, кажется, не становилась в манделштамоведении предметом отдельного изучения. — В реконструируемом контексте необходимо отметить присутствующий в прозе Манделштама образ социальной архитектуры, опосредованно коррелирующий с темой Византии, как, например, в статье «Гуманизм и современность» (1922): «не новая социальная пирамида соблазняет нас, а социальная готика: свободная игра тяжести и сил, человеческое общество, задуманное как сложный и дремучий архитектурный лес, где все целесообразно, индивидуально и каждая частность аукается с громадой. (...) Если подлинное гуманистическое оправдание не ляжет в основу грядущей социальной архитектуры, она раздавит человека, как Ассирия и Вавилон» (Манделштам О. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2: стихи и проза. 1921–1929. С. 286–288). — Еще одной «типологи-

В заключение необходимо остановиться, возможно, на главном биографическом «эпизоде» диалога двух современников, в силу различных причин и обстоятельств, по сути, так и не состоявшегося. Речь идет об известном событии — поиске Мандельштамом в Крыму могилы Недоброво и его рассказе об этом Ахматовой. В этой связи в первую очередь необходимо отметить, что долгое время датой кончины Недоброво считалось 3 декабря 1919 года¹⁵⁷, и только сравнительно недавно она была уточнена находкой ялтинского историка и краеведа З. Г. Левицкой: «Запись в метрической книге свидетельствует, что “потомственный дворянин Николай Владимиров Недоброво”, 35 лет от роду, умер 2 декабря и был погребен 5 декабря 1919 года на Аутском кладбище. В графе “От чего умер” указано: “Туберкулез легких”. Обряд погребения совершили протоиерей Свято-Успенской церкви Сергей Щукин и диакон Тимофей Изотов. Запись сделана в церковной метрической книге, следовательно, даты указаны по старому стилю. По новому стилю Н. В. Недоброво умер 15-го и погребен 18 декабря»¹⁵⁸. В свою очередь, в сопоставительной заметке о жизни и творчестве двух современников, содержащейся в претендую-

---

ческой» точкой пересечения интересов Мандельштама и Недоброво является философское наследие Анри Бергсона. Если для первого из них данный факт хорошо известен и фрагментарно (по большей части описательно) отражен в филологической науке, то применительно ко второму см.: *Орлова Е. И.* Литературная судьба Н. В. Недоброво. С. 145–152. Согласно высказанной в итоге анализа точке зрения исследователя, «чтение Бергсона связалось у Недоброво, с одной стороны, с собственными размышлениями, в том числе над поэзией Тютчева и Фета, с другой — с учением А. Потебни». Эти обстоятельства складывались на фоне широкой и разносторонней рецепции трудов французского философа современной литераторам культурной средой; ср.: *Нэтеркотт Ф.* Философская встреча: Бергсон в России (1907–1917) / Пер. с фр. И. Блауберг. М., 2008.

¹⁵⁷ В частности, она указана в энциклопедическом жизнеописании литератора: *Кравцова И. Г., Постоуленко К. Ю.* Недоброво Н. В. С. 261, стб. 2. Основанием для такой датировки мог стать уже неоднократно упоминавшийся глубокий и разносторонний мемуарный очерк близкой знакомой Недоброво, опубликованный в 1923 году, где она сообщала: «После трёх лет борьбы с чахоткой он умер в Ялте 3 декабря 1919 г.» (*Слонимская Ю.* Николай Владимирович Недоброво. Опыт портрета. С. 232).

¹⁵⁸ *Казарин В. П., Новикова М. А.* «Не бойся; подойди...» (Установлена и документирована дата смерти Н. В. Недоброво). С. 42–43; то же — в более поздней «републикации» в издании: «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Седьмых Герцыковских чтений в г. Судаке (7–11 июня 2011 года). М.; Симферополь, 2013. С. 117. Дополнительные сведения на эту тему могут содержаться в оставшейся автору недоступной публикации: *Лавров А. В.* Н. В. Недоброво: последние дни в Крыму (По материалам архива М. А. Воло-

щем на авторитетность источнике, присутствует лишь абстрактное указание на тот факт, что «Мандельштам был первым, кто разыскал в 1920 году могилу Недоброво на старом Аутском кладбище в Ялте (до наших дней не сохранилась) и сообщил об этом Ахматовой»¹⁵⁹, однако в указанное время Мандельштам в Ялте не был¹⁶⁰, он проживал там «в ноябре 1925 — январе 1926 года и в июне — октябре 1928»¹⁶¹. В случае с рассказом Мандельштама о его поисках и их датировкой комментатором, очевидно, со вмещены два эпизода — относительно названной даты Ахматова вспоминала: «В 1920 году он раз или два приходил ко мне на Сергиевскую (в Петербурге), когда я работала в библиотеке Агрономического института и там жила. (...) Тогда же он сообщил мне, что в декабре <19>19 года умер Н. В. Н<е>доброво»¹⁶².

шина) // *Лавров А. В.* Тексты и комментарии. Из материалов к истории русской литературы первой трети XX века. СПб., 2018.

¹⁵⁹ *Орлова Е. А.* Недоброво Н. В. С. 364, стб. 2.

¹⁶⁰ См.: *Нерлер П. М.* Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 14–15. С сентября 1919 года поэт находился в Крыму, в начале сентября 1920 переехал в Батум, откуда вскоре переехал в Тифлис, а в конце месяца вернулся в Россию; см.: Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама. С. 148–160.

¹⁶¹ *Нерлер П. М.* Ялта // *Мандельштамовская энциклопедия* : в 2 т. Т. 1 / Гл. ред. П. М. Нерлер, О. А. Лекманов. М., 2017. С. 573, стб. 1.

¹⁶² *Ахматова А.* Листки из дневника. С. 109. Несколько подробнее об этом говорится в вариантах ахматовского очерка: «В 1920 г. О<сип> М<андельштам> пришел ко мне на Сергиевскую, 7, чтобы сказать о смерти Н. В. Н<е>доброво». Он узнал об этом несчастье у Волошина» (*Ахматова А.* «Дополнения к «Листкам из дневника»» // *Ахматова А.* Победа над Судьбой. I: Автобиографическая и мемуарная проза. Бег времени. Поэмы / Сост., подгот. текстов, примеч. Н. Крайневой. М., 2005. С. 26). Согласно современным комментариям этого трагического события, Волошин узнал о нем, в частности, из писем Юлии Сазоновой-Слонимской и Любви Недоброво, отправленных ему одновременно 19.1.1920: *Казарин В. П., Новикова М. А.* «Не бойся; подойди...» (Установлена и документирована дата смерти Н. В. Недоброво). С. 43, стб. 2; то же — в: «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Седьмых Герцывковских чтений в г. Судак (7–11 июня 2011 года). М.; Симферополь, 2013. С. 118. В обеих публикациях было отмечено (с. 43, стб. 2 и с. 119), что «(...) информация о смерти поэта распространялась только через переписку и рассказы знакомых. Никто из современников ни разу не упоминает, что получил сведения о его кончине из газет». Как следствие, и упоминание о случившемся появлялось в печати позднее — например, некрологический пассаж Кондратьева о Недоброво в очерке «Близкие тени» увидел свет через два года (Вольнское слово [Ровно]. 1921. 22 окт.). Возможно, отчасти из-за отсутствия некрологов Смирнов в связи с подготовкой к изданию очередного номера петроградского журнала истории литературы и истории общественности «Начала» сообщал Жирмунскому в письме от 2.1.1922 из Аулу-

Соответственно, вдова поэта в связи с одним из стихотворений Ахматовой определяет 1928 год как «тот год, когда Мандельштам, вернувшись из Ялты, рассказал ей, что нашел там могилу Недоброво»¹⁶³. Иная датировка была предложена авторами последней пуб-

---

ты: «(...) я взял на себя смелость написать А. И. Белецкому о желательности некрологической заметки о Н. В. Недоброво. У него, наверное, есть материалы. Я пишу ему (отправляю одновременно с этим письмом), что советую ему послать такую заметку в 2 странницы тебе, и субъективно уверен, что она подойдет» (Письма А. А. Смирнова В. М. Жирмунскому. 1917–1922. С. 376). Насколько можно судить, продолжения эта ситуация не имел. Спустя еще несколько лет уже Жирмунский в своих мемуарных заметках, вспоминая о времени пребывания в середине 1910-х годов на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, специально подчеркивал факт смерти Недоброво: «Для меня лично особенно важное значение имело общение с кружком молодых филологов, к которому тогда принадлежали А. А. Смирнов, К. В. Мочульский, Н. В. Недоброво (+) (...), а также — Б. М. Эйхенбаум (впоследствии примкнувший к В. Шкловскому); примыкали к этому кружку также и некоторые поэты из группы “акмеистов”, интересовавшиеся вопросами поэтической техники» (Жирмунский В. Вопросы теории литературы: Статьи 1916–1926. С. 8). (Об этом эпизоде мандельштамовской биографии и его историко-культурном ореоле см.: Шиндин С. Габриэль Гершенкройн. Штрихи к портрету. Часть I // Новый Журнал. 2016. Кн. 284. С. 210–212, 229–230 (URL: <https://newreviewinc.com/pdf/2016/284.pdf>)). Чуть позже к данному событию обращался в мемуарах Пяст, мотивируя им возможность вести речь о некоторых скрытых деталях литературной жизни середины 1900-х годов: «А сейчас вот выдам Сергея Городецкого. (Это можно сделать, потому что Недоброво уже нет в живых.)» (Пяст Вл. Встречи. С. 67). Симптоматичны в такой связи упоминание кончины Недоброво и конкретизация ее датировки в уже упоминавшейся рецензии Святополк-Мирского 1924 года, свидетельствующие, вероятно, об относительной новизне и малой известности такого сообщения в Русском Зарубежье: «(...) много ценного было сделано покойным Н. В. Недоброво (ум. 1919)» (Святополк-Мирский Д. П. [Рец.] Г. Шенгели. Трактат о русском стихе. 2-е, исправл., изд. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 70). Чуть позже он вновь указал на данный факт в цитировавшейся выше заметке 1925 года: «Покойный Н. В. Недоброво настаивал на необходимости “политики языка”» (Святополк-Мирский Д. П. Английские пуристы. С. 129). — В связи с вышеизложенным более чем странными в формирующемся контексте представляются редакция и, соответственно, датировка, присутствующие в околонучном многотомном издании, где мемуарному абзацу, открывающемуся словами Ахматовой: «В 1925 году я жила с Мандельштамами в одном коридоре в пансионе Зайцева в Царском Селе» — сопутствует ее же примечание о Мандельштаме: «тогда же он сообщил мне, что в декабре 1919 г. умер Н. В. Недоброво»» (Ахматова А. Листки из дневника // Ахматова А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5: Биографическая проза. Pro domo sua. Рецензии. Интервью / Сост., подгот. текста, коммент. С. А. Коваленко. М., 2001. С. 36).

¹⁶³ Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 633; данное свидетельство публикаторами никак не прокомментировано.

ликация на затронутую тему (правда, без какого-либо конкретного автографического или документального обоснования); там же содержится детальный краеведческий комментарий этой ситуации: «Отдельно стоит сказать о самом Аутском кладбище. Некогда оно было одним из самых почетных в Ялте. В августе 1901 года там похоронили популярного писателя-народника Г. А. Мачтета. 9 июня 1918 года здесь нашла свой последний приют жена Ф. М. Достоевского — Анна Григорьевна, в январе 1919 года мать А. П. Чехова — Евгения Яковлевна, а в феврале 1920 года — выдающийся строитель и великолепный исследователь Крыма генерал-майор А. Л. Бертье-Делагард. Список этот можно продолжать и продолжать. — После революции кладбище начало приходить в запустение. Если О. Э. Мандельштам в августе-сентябре 1923 года (...) разыскал могилу Н. В. Недоброво, то А. А. Ахматова, посетившая, по некоторым предположениям, Аутское кладбище в сентябре 1929 года (отдыхала в той же Гаспре), ее уже не нашла (...). — Этой истории можно предложить объяснение. Памятник на могиле, как известно, устанавливается через год. На могиле Н. В. Недоброво его, судя по всему, не было. Поэта похоронили 5 (18) декабря 1919 года, а с октября 1920 года началась массовая эвакуация из Крыма, которая закончилась 3 (16) ноября уходом последних пароходов из Керчи. В числе покидавших родину были и А. А. Недоброво с Ю. А. Сазоновой-Слонимской. Обе они эмигрировали в Италию (...). Следовательно, на могиле Н. В. Недоброво мог быть только деревянный крест, устанавливаемый во время погребения. В 1923 году О. Э. Мандельштам его, видимо, еще разыскал. В 1929 году креста уже не было»¹⁶⁴.

---

¹⁶⁴ Казарин В. П., Новикова М. А. «Не бойся; подойди ...» (Установлена и документирована дата смерти Н. В. Недоброво). С. 44, стб. 1; то же — в: «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия: Материалы Седьмых Герцыковских чтений в г. Судак (7–11 июня 2011 года). С. 119–120. — В «Мандельштамовской энциклопедии» в статьях «Ялта» и «Гаспра» данный эпизод вообще не упоминается; более того, расширяя границы фактографического поиска, нельзя не заметить отсутствие сведений о нём в неоднократно упоминаемых кратких хрониках трудов и дней поэта работы А. Г. Меца, в единственном ориентированном на научную традицию издании его биографии О. А. Лекманова и в последнем варианте лаконичной «летописи жизни и творчества» Мандельштама П. М. Нерлера. С учётом отсутствия иных источников информации об этом факте подобное обстоятельство невольно вызывает вопрос о степени своей точности и даже достоверности, но поиск ответа на него требует самостоятельных и не связанных с настоящей публикацией усилий.

Перечисленные факты, разумеется, не исчерпывают всей полноты и всего многообразия взаимоотношений двух ярких и достойных представителей культурной среды России 1910-х годов, но главные его составляющие, вероятно, оказались учтены. Дальнейшее расширение этих историко-литературных границ окажется возможно как при систематизации и изучении уже имеющихся данных, так и при появлении в актуальном научном пространстве новых материалов, касающихся биографий и творческих путей Мандельштама и Недоброво.